

Чернокнижник

Автор:

Ольга Морозова

Чернокнижник

Ольга Морозова

Для чего люди заключают сделки с Дьяволом? Ответ понятен – чтобы получить деньги, силу, власть. То есть всё то, чего они не могут добиться обычным путем. Но рано или поздно всё кончается...

Ольга Морозова

Чернокнижник

© ЭИ «@элита» 2015

* * *

1895 год, Россия

Высокая молодая девушка ходила взад-вперёд по аллее парка. Она немного нервничала, её выдавали пальцы рук, которые она то сжимала, то разжимала, то сцепляла вместе. Прохожие обращали на неё мало внимания, потому что на первый взгляд ничего особенного девушка собой не представляла – обычная молодая девушка гуляет в парке, где и без неё много молодых девушек.

Девушку звали Надя, или Надин, на иностранный манер, как называли друзья. Если внимательно присмотреться, Надин была очень красивой девушкой, с тонкими чертами лица и большими чёрными пронциательными глазами. Её серьёзное не по годам выражение лица поначалу всегда немного отпугивало людей, но при дальнейшем знакомстве все находили, что Надин очень мила и скромна. Молодые люди пытались добиться её расположения, но Надин никому не отдавала видимого предпочтения. Она вообще была очень скрытной девушкой: никто никогда не мог понять, о чём она думает и чего хочет.

И вот теперь эта милая девушка мерила шагами аллею в парке, явно кого-то поджидая. Парк находился на окраине города, поэтому риск встретить знакомого был невелик. Судя по всему, Надин не стремилась к популярности. Периодически она приподнимала рукав платья и смотрела на изящные золотые часики. Ей казалось, что время идёт слишком медленно.

Стояла ранняя осень, конец сентября, было тепло и сухо, хотя под ногами уже шуршали разноцветные листья – признаки надвигающихся холодов.

Надин присела на скамейку. Теперь она бросала взгляд на часы почти ежеминутно. Когда стрелка достигла определённого значения, Надин решительно поднялась и хотела уйти, но тут её взгляд остановился на стройной мужской фигуре в чёрном пальто, торопливо идущей по аллее по направлению к ней. Сердце у Надин забилось, она заволновалась и слегка покраснела, досадуя на себя за столь долгое ожидание. Она считала это не совсем приличным для девушки.

Молодой человек, запыхавшись, подошёл к Надин и взял её руки в свои.

– Извините меня, ради Бога! Я не собирался опаздывать, это получилось случайно. Я ругаю себя за то, что вам пришлось так долго ждать!

Надин смутилась:

– Не стоит. Я чудесно прогулялась в одиночестве. Прекрасная погода! Правда, я собиралась уходить... но вы всё-таки пришли...

– Но вы же знаете, я всегда прихожу, что бы ни случилось! Ужасно неловко, что заставил вас ждать...

– Пустяки! Забудем это! Я совсем не сержусь на вас. Глупо злиться, если я всё равно дождалась.

– Вы прелесть! Я знал, что вы не уйдёте.

– Вот как? – Надин сделала обиженный вид. – Вы считаете, что я бегаю за вами?

– Господи! Да конечно, нет! Ну что вы такое подумали, Боже правый! Просто я был уверен, что вы держите слово! Это в вашем характере. Вы не взбалмошная капризная девица, каких большинство, вы... вы... – не найдя больше слов, молодой человек схватил руку Надин и горячо поцеловал её.

Поцелуй затянулся, и Надин осторожно убрала руку:

– Ну, хватит... на нас обращают внимание. Давайте лучше пройдемся.

– Как вам будет угодно, – молодой человек с сожалением оставил руку Надин и подставил ей локоть. Они пошли вдоль аллеи.

– Вас давно не было, Савва, вы уезжали из города? – Надин украдкой бросала на Савву взгляды.

– Да, я был в деревне. Мой дядя очень плох...

– Он болен?

– Болен... да, он болен... боюсь, ему осталось немного ходить по этой земле...

– Мне очень жаль...

– Не о чем жалеть, он уже не молод...

– Всё равно, живой человек...

- Вы очень добрая, Надин! А я иногда ловлю себя на мысли, что совсем не испытываю жалости... ни к кому... о чём вообще можно жалеть? О никчёмной жизни? О пустой суете? Что мы оставляем здесь, что приобретаем там? Я всё время пытаюсь понять, в чём смысл нашего существования, и никак не могу. Сознаюсь вам, порой мне кажется, что этого смысла вовсе нет... глупо всё, глупо и бесполезно...

- Вы очень мрачно смотрите на жизнь, Савва... так нельзя. Это здоровье дяди навеивает на вас такую тоску, признайтесь? Вы привязаны к нему, хотя и не хотите сознаться?

- Нет, дядя ни при чём. Я всегда об этом думаю. Смерть ждёт каждого, в том числе и нас с вами. Если мы тлен, то что мы вообще здесь делаем?

- А как же вечная жизнь? Жизнь после смерти?

- Надин! О чём вы?! Никто ещё не вернулся оттуда!

- Так вы не верите?! Не верите в Бога?!

- Это вы верите, Надин, вернее, большинство из вас. Вам вбивают это в голову с детства. А я хочу знать-знать, а не верить. Я не хочу быть безмозглой пешкой, я хочу всё решать сам.

- Помилуйте, но кто же решает за вас? И что всё вы хотите решать?

- Я хочу творить историю, а не быть её винтиком! Но, по-моему, мы слишком далеко зашли с вами, - Савва внезапно осёкся, - это досужие разговоры. Не берите в голову, Надин. Просто у меня скверное настроение сегодня, но я не хочу портить его вам. Давайте поговорим о чём-нибудь более приятном.

- С вами так не получается... вы не умеете говорить о приятном. Странно, но мне это нравится, я и сама не очень люблю приятные темы.

- О! Так вы мрачная особа! - Савва засмеялся.

- Пожалуй. Но мне всё равно, что обо мне думают.

– Именно это я в вас и ценю. Вашу независимость. Нынешние барышни очень зависят от мнения света, боятся, как бы о них чего не подумали, но вы не такая. Я сразу заметил.

Савва отбросил волосы со лба. Он был худ и черноволос, под стать Надин. Только глаза у него зелёные с желтизной. Удивительные притягивающие глаза. Когда Савва смотрел прямо в глаза Надин, она чувствовала, будто её парализовало. В такие минуты Надин могла сделать для Саввы всё, что угодно. Ей очень не хотелось, чтобы он догадался об этом, поэтому всегда тщательно следила, чтобы не встретиться с Саввой глазами, и отводила взгляд, если он пытался заглянуть ей в лицо. Надин подозревала, что Савва знает о необычном свойстве своего взгляда и при случае может это использовать.

Савва ей нравился, но быть послушной марионеткой она не хотела.

– И только поэтому вы общаетесь со мной? – Надин бросила хмурый взгляд на Савву. – Потому что я якобы не ценю ничьё мнение?

– Ну конечно же, нет, Надин! Вы сегодня слишком обидчивы, но это я виноват. Не нужно было заставлять вас так долго ждать. Помилуйте грешника!

– Я вас давно простила. Сразу простила... видимо, осень так действует на меня. Мне грустно осенью, не знаю, почему... но это приятная грусть. Я люблю осень, а вы?

– Я тоже. Мне осенью становится спокойно. У нас много общего с вами, вы не находите? – Савва сжал пальцы Надин, и она почувствовала, какие они холодные.

– Вы долго пробудете в городе? Или опять уедете в деревню?

– Не знаю, может, неделю. Потом уеду, конечно. У дяди, к сожалению, нет больше родственников, кроме меня. Я должен быть рядом, если случится худшее... он умолял меня не оставлять его надолго...

– Я вас понимаю. Вы и зиму пробудете в деревне?

– Как позволят обстоятельства. Я пока ничего не знаю. Но я буду скучать без вас... очень скучать...

– Вы найдёте там хорошенькую деревенскую кумушку, и будете коротать вечера в милой компании. В деревне люди не такие лицемерные, как здесь. Очевидно, близость к природе действует на них по-особенному. Камин, огонь, треск поленьев... я думаю, вы не будете скучать!

– Никто не заменит мне вас, Надин! Вы можете приехать ко мне, если захотите... это не так далеко.

– Я подумаю. Возможно, и приеду. Но вы ведь ещё не уехали. Сколько времени? Начинает темнеть! Мне пора, матушка будет волноваться, я сказала ей, что уйду ненадолго, навестить подругу. Не хочу пока ей ничего говорить, – Надин перехватила взгляд Саввы, – зачем? Она напридумывает невесть что. Спит и видит, как бы выдать меня замуж. Иногда она бывает просто несносна! Если она узнает про вас, то замучает меня вопросами.

– А вы знаете, я не прочь познакомиться с вашей матушкой... а батюшка ваш где?

– Он умер, когда я была маленькой. Упал с лошади, потом долго болел, и скончался. Я его почти не помню. Но он был хорошим человеком, как говорят... матушка каждый день за него молится, – Надин вздохнула. – Вы уверены, что хотите попасть к нам на ужин?

– Да, а что здесь такого? Вы могли бы представить меня как своего друга, для начала. Нет, я ни на что не намекаю, просто мне бы очень хотелось бывать у вас дома.

– Ну, хорошо, я как-нибудь приглашу вас.

– Я буду ждать, милая Надин. Ждать и надеяться. Надеюсь, ожидание не будет напрасным.

– Вы ставите меня в неловкое положение, Савва! Мне нужно дать ответ сейчас?

– Как хотите. Можете написать мне...

– Я напишу вам... обязательно. А теперь мне пора...

– Пойдите! – Савва удалось перехватить взгляд Надин, и она оробела:

– Конечно, я пришлю вам приглашение в самом ближайшем будущем...

– А потом приедете ко мне в деревню? – Савва не сводил с Надин взгляд.

– А потом приеду в деревню, – Надин с трудом опустила в глаза.

– Вот и хорошо, – Савва с облегчением вздохнул.

Они вышли из парка и поймали экипаж. Савва помог Надин сесть, постоял немного и пошёл пешком в противоположную сторону.

Надин тряслась в экипаже и ругала себя за бесхарактерность. Опять Савва заставил её делать то, что она не собиралась. Ему удалось заглянуть ей в глаза! Он явно знает о своих неординарных способностях. Хотя, что, собственно, случилось? Он хочет быть представленным её матушке... он интересуется ею... она тоже интересуется Саввой, он нравится ей... может, она даже влюблена...

При этой мысли Надин покраснела. Какие глупости! Невозможно влюбиться так быстро... Нужно сначала хорошенько узнать человека, съесть с ним пуд соли... Надин прикусила губу: какая она глупая! Съесть пуд соли! Ха-ха! Разве для любви нужна соль? Пора признаться хотя бы самой себе, что Савва её волнует, волнует гораздо больше других молодых людей. Он заставляет быстрее биться её сердце. Он красив, загадочен, умён... чем не партия для неё? Савва не беден, у него приличный доход... матушка будет рада такому жениху. Правда, Савва ещё не давал ей понять, что хочет жениться на ней, но зачем тогда ему знакомиться с матушкой?

Мысли пошли по кругу, и Надин решила выбросить всё из головы и положиться на судьбу. Может, матушка и права, и ей действительно пора замуж? Иначе можно и в девках засидеться, остаться старой девой...

Экипаж подъехал к дому Надин, и она вышла. Её матушка, Дарья Спиридоновна, обрадовалась появлению дочери:

– Наденька! Как хорошо, что ты пришла! Сон я давеча плохой видела, хотела утром тебе рассказать, да позабыла, память дырявая стала совсем. Давай чай пить? Замёрзла?

– Нет, на улице не холодно, – Надин начала раздеваться, – вы бы тоже погуляли, а то всё дома да дома...

– Не хочется мне что-то, я чай прикажу подавать, идём к столу.

Надин прошла в комнату и села к большому столу в центре. Дворовая девка Груня принесла чай и баранки. Надин налила чашку и помешала ложкой сахар. Дарья Спиридоновна не сводила с неё глаз:

– Какая ты у меня доченька, красавица! В самый раз замуж... жених-то есть у тебя? Ты молчишь всё, ничего не рассказываешь...

– Матушка! Ну что вы, в самом деле! Каждый день одно и то же! И не надоело вам? Вы сон мне рассказать собирались...

– Ах, да! Вижу я омут, чёрный-пречёрный. И крутит так, крутит вода в нём, бурлит... а над омутом девушка стоит, вроде ты, Наденька... но я не уверена, волосы длинные, лицо закрывают... и вроде стоит эта девушка, и думает: броситься или нет, в омут-то? И как будто уже уйти хотела, но тут из омута рука выпросталась, девушку за волосы схватила и потащила... страшно мне стало, жутко! Закричать хотела, но тут и проснулась. К чему, как думаешь?

– Ой, матушка! Думаете вы слишком много, придумываете. Говорю же вам, прогуляться нужно, развеяться, вот и пройдёт. Это нервы у вас, лекарства попейте, а то вы очень впечатлительны стали. А сон... да ерунда это, глупости. Выбросьте из головы.

– И я так подумала, что ерунда, но боязно что-то стало. Уж вышла бы ты замуж, Наденька! А то ещё, чего доброго, попадёшь куда... поманит плохой человек и сотворит недоброе... а потом что? И то останется, что в омут... Мне Глашка сон

так и растолковала, вот и волнуюсь.

- Поменьше к Глашке бегайте, она вам наговорит! Небось, денег ей отнесли?

- Да уж, отнесла... но ты не сердись! Я успокоиться хотела.

- Ну и что, успокоились? Эта Глашка, кроме как о деньгах, не думает ни о чём. Поди, и травку дала?

- Дала, дала... как не дать?

- Не вздумайте мне в чай её класть!

- Да я не тебе, себе попросила, чтобы спать получше... не гневайся, доченька, травка-то помогает.

- Ну, как хотите, только не расстраивайтесь, прошу вас! Я спросить хотела... тут один мой знакомый хочет ужинать у нас. Может, пригласим его на неделе?

- Конечно, Наденька! Буду очень рада. А кто он такой?

- Знакомый.

- Ухаживает за тобой?

- Не знаю пока, мы недавно знакомы, полгода ещё нет.

- Уже полгода? Наденька! И до сих пор ты не представила его мне?

- Я не знала, надо ли это делать. А теперь вот он сам захотел.

- Вот и слава Богу, что захотел! Конечно, ты ему нравишься, разве иначе он захотел бы в дом войти?

- Да кто его знает? Может, и нравлюсь...

– Вот и хорошо, доченька! Напиши ему, пускай непременно приходит.

– Напишу. Ладно, спать уже пора, пойдёмте, матушка.

– Иди, милая, иди, я ещё посижу, кружева поплету... пристрастилась я кружева плести!

Надин встала и ушла к себе в спальню, оставив Дарью Спиридоновну одну.

На следующий день Надин написала письмо Савве с приглашением. Её охватила неясная тревога, природу которой она не могла разгадать, и потому приписала обычной осенней хандре.

На следующий день Савва явился к ужину с большим букетом белых хризантем, который вручил Дарье Спиридоновне. Она всплеснула руками и запричитала:

– Ну что вы, зачем же такое великолепие? Ну красота же какая! Груня! Где ты, Груня?! Возьми цветы и поставь в вазу!

Груня подбежала и приняла из рук хозяйки цветы. Савва представился и поцеловал руку Дарье Спиридоновне. Та отчего-то засмушалась:

– Пройдёмте к столу, Савва Андреевич! Мы для вас курочку зажарили! Наливочка у нас своя, вишнёвая. Забористая!

Надин молчала. За столом Дарья Спиридоновна ещё больше разговорилась: наливка сделала своё дело:

– А кто ваши родители, Савва Андреевич?

– Они умерли, когда я маленьким был.

– Какое несчастье! Так вы сирота, выходит?

– Меня дядя к себе взял, воспитал.

- Это хорошо, а что, позволю спросить, с вашими родителями случилось?

- Отец на охоту зимой пошёл, заблудился, замёрз, подхватил воспаление лёгких. Так и не выкарабкался, скончался в горячке, царствие ему небесное. А мать недолго после него прожила, угасла. Чахотка. Но это она из-за отца, не могла смириться с его смертью, любила очень. Мне тогда пять лет было, я их и не помню вообще.

- Вот ведь трагедия! Ну а дядюшка с вами хорошо обращался?

- Хорошо. Он мне дал приличное образование. Наследство мне от родителей досталось - заводик парфюмерный, и имение. Неплохой доход приносят. На эти средства я, собственно, и живу. Не жалею.

- А у нас вот с Наденькой доход невелик, но на скромную жизнь хватает, и слава Богу! Муж мой покойный кое-что нам оставил, да родители мои, так что не бедствуем. Наденька у меня не бесприданница.

- Я за деньгами не гонюсь, мне человек важен. А Наденька у вас всеми достоинствами обладает.

- Да, Наденька у меня просто золото! Только серьёзная очень, не по годам. Нарядами и побрякушками совсем не интересуется.

- Это как раз достоинство, а не недостаток. Всякие жеманницы на меня скуку нагоняют, признаться.

- А вы в городе живете? Или в имении своём?

- Пока в городе, но на днях в имение поеду, к дяде, заболел он.

- Ну, надо же! - Дарья Спиридоновна покраснела от наливки и театрально всплеснула руками.

- Хочу вот Надин пригласить к себе в имение, скрасить моё одиночество. Вы приедете, Надин? - Савва проникновенно посмотрел на девушку.

Надин опустила глаза и хотела что-то сказать, но за неё ответила Дарья Спиридоновна:

– Конечно, конечно она приедет! Чего ей со старухой сидеть? Развлечётся, дело молодое.

Надин наконец смогла вставить фразу в поток матушкиных излияний:

– Что же вы за меня говорите? Я и сама ответить могу.

– Ой, и правда, что-то я всё говорю и говорю! Благо язык без костей! Да вы не слушайте меня, Савва Андреевич, ешьте! Совсем я вас заболтала! Вы уж простите меня, но Наденька меня не балует, молодых людей в дом не приводит, вот я и набросилась.

– Да я не в обиде, не молчать же сюда пришёл. Наливка у вас хорошая!

– Рады вам угодить! Пейте, я вам налью.

Посидели ещё немного, Надин почти всё время молчала, потом Савва откланялся. Дарья Спиридоновна, под впечатлением нового знакомства, стала делать Надин внушение:

– Наденька, какой Савва Андреевич жених завидный! Уж не упusti! А как на тебя смотрел! Как смотрел! Чую, скоро свататься будет!

– С чего это вы взяли?

– Материнское чутье. В таких вещах меня не обманешь. А тебе он как?

– Сама не знаю, не спрашивайте пока.

– Ну что, совсем не нравится? Вроде собой хорош... и культурный, и обходительный...

– Матушка! Ну разве я сказала, что он мне не нравится! Если бы не нравился, я бы его в дом не звала...

– Ну ладно, не буду тебя больше мучить, но ты присмотришься!

– Я присмотрюсь.

– Вот и славно. А я прилягу пойду, наливочка в ноги дала, как ватные прямо стали!

Дарья Спиридоновна тяжело поднялась со стула:

– Груня! Убери тут, напировались...

Надин удалилась вслед за матерью.

Ночью Надин спала беспокойно, металась, будто приход Саввы в их дом повлиял на неё каким-то особенным образом. Она спрашивала себя: что такое с ней происходит? Неужели она влюбилась? Влюбилась, как кошка? Вот он пришёл к ним в дом, и она уже не находит себе места... что, если матушка права, и Савва действительно собирается сделать предложение? Что она должна ответить? Согласиться? Отказаться? Если она скажет, что должна подумать, он примет её за капризную кокетку... конечно, он видит, что она к нему равнодушна... но мысль о браке и детях, которые обязательно появятся в браке, пугала Надин. К ней будут прикасаться мужские руки... они будут шарить по её телу... она вынуждена будет подчиниться желанию мужчины...

Мысли и волновали и пугали её. Хотя, в конце концов, все так живут, не она первая, не она последняя. Перспектива остаться старой девой ничуть не лучше. Чего стоят одни жалостливые взгляды замужних матрон, в которых так и сквозит превосходство! Общество осуждает и отвергает женщин, которые не вышли замуж. Гораздо лучше иметь нелюбимого, но богатого мужа и любовника... Надин вздохнула: как это мерзко! Неужели и у неё будет так? Неужели и она поддастся тлетворному влиянию света и пустится во все тяжкие от скуки и обыденности семейной жизни? Нет, она никогда не позволит себе так жить! Вряд ли и Савва стерпит такое, если конечно, она выйдет за него замуж...

Под утро Надин удалось уснуть и поспать несколько часов. Она встала позже обычного, твёрдо решив, что если Савва посватается к ней, она ответит согласием.

Савва стоял с саквояжем возле входа в имение. Дворовая челядь высыпала на улицу его встречать. Дюжий парень подхватил саквояж и понёс в дом. Савва последовал за ним. Пожилой дворецкий обратился к Савве с вопросом:

– Вы к дядюшке вашему, Демьяну Ивановичу, сейчас зайдёте? Он давеча о вас спрашивал.

– Сейчас. Только переоденусь с дороги. Как он?

– Плохо... вчерась в бреду метались, а сегодня потише вроде... я уж думал за батюшкой послать, да потом решил вас дожидаться.

– Правильно решил, ступай, я сейчас приду.

Дворецкий тяжело потоптался, и ушёл, вздохнув и покачивая головой.

Савва переоделся и направился напрямик в спальню дядюшки. Тот лежал на белой простыне, бледный, с ввалившимися глазами и сухими губами, которые постоянно облизывал. На скрип открывающейся двери он открыл глаза и сделал попытку улыбнуться:

– Саввушка! Приехал, дорогой! Наконец-то! Уж, думал, умру, и не увижу тебя!

– Ну что вы, дядюшка! Как я мог! Дела сделал, и сразу к вам.

– Умираю, я Савва, попа позови, исповедаться хочу.

– Может, рано попа? Доктора позвать?

– Сказал попа, значит, попа! Не спорь! Устал я землю топтать, да и грешен, покаяться тороплюсь... завтра утром и позови! Слышишь? Ночь, думаю,

перекантуюсь...

- Слышу, дядюшка, слышу. Сделаю, как вы велите.

- Ну а теперь иди, нечего здесь сидеть! Я спать хочу...

Савва молча удалился, зная, что спорить с дядюшкой бесполезно.

Он пошёл в библиотеку. Одна старинная книга интересовала Савву, он хотел найти её. Как-то давно дядюшка вскользь упомянул об этой книге, но Савва слова запомнил. Потом попросил дядюшку показать книгу, но тот зашикал на него, накричал... сказал, чтобы Савва и думать не смел. Савва больше про книгу не спрашивал, но забыть не забыл. Долго ему эта книга покоя не давала. Тайком от дядюшки пытался искать её, но не нашёл. Дядюшка всякий раз как чувствовал, и словно из-под земли вырастал, когда Савва в библиотеку заглядывал. Савва плюнул, и на время прекратил бесплодные попытки. И вот теперь, когда дядюшка болен... Савва даже себе стыдился признаться, что приехал сюда отчасти из-за книги. Сладок запретный плод, ох, как сладок!

Савва прекрасно знал, что дядюшка одно время увлёкся чёрной магией, чернокнижничеством... потом, видимо увлечение прошло, но книга эта самая чёрная осталась, и сейчас она будоражила воображение Саввы. Знал Савва и о том, что у дяди ничего толком не получилось, видимо, не создан он для колдовства... но он, Савва, другое дело. Может, конечно, всё это и глупости, но кто знает?

Савва лихорадочно рыскал по книжным полкам. Книг у дядюшки множество, самых разных, но нужной Савва найти не мог. В отчаянии он ударил ребром ладони по стене, ближайшая к нему книжная полка повернулась, и глазам Саввы предстала дверца сейфа, вмонтированного в стену. Савва погладил дверцу рукой. Конечно, она здесь, нет никаких сомнений. А ключ у дядюшки... надо незаметно взять его, никто не хватится, потому что никому нет дела до этой книжки. Никому, кроме него, Саввы.

Савва снова пошарил рукой по стене, и массивная полка встала на место. Савва сел за письменный стол и задумался. Лицо его окрасилось румянцем. Какая неслыханная удача! Вряд ли дядюшка сообщил бы ему, где находится книга. Унёс бы тайну в могилу... но, видимо, кто-то очень хочет, чтобы книга осталась у

него, а не была похоронена под слоем пыли.

Скрипнула дверь, и Савва вздрогнул. Дверь открылась, и Савва чуть не вскрикнул от ужаса – ему показалось, что на пороге стоит привидение. Но то был дядюшка. Он тяжело дышал, видно, путь в библиотеку дался ему не просто.

– Что ты здесь делаешь? – Дядя жадно хватал ртом воздух.

– Зачем вы поднялись?! Мне захотелось почитать... я не думал, что это так расстроит вас.

– Ты хотел найти её? Признайся? – голос у дядюшки звучал хрипло, ему трудно было говорить.

– Вам не стоит так волноваться, дорогой дядюшка. Я вообще не понимаю, о чём вы говорите. Я хотел почитать на сон грядущий, и пришёл сюда, чтобы выбрать книгу.

– Ты лжёшь... – дядюшка вдруг закатил глаза, его затрясло мелкой дрожью, он попытался что-то сказать, но смог исторгнуть только нечто нечленораздельное. Он начал задыхаться и хватать ртом воздух. Савва испугался и подбежал к нему. Дядюшка упал, нелепо взмахнув руками, Савва закричал, и на крик сбежалась челядь.

Все вместе подняли тело и перенесли на кровать. Демьян Иванович не подавал признаков жизни. Одна его рука крепко сжимала что-то, висящее на верёвке на шее. Савва осторожно разжал пальцы: там оказался ключ. Какая-то баба запричитала:

– Барин, барин-то помер! Господи Иисусе! Без покаяния!

Все начали истошно креститься, а на бабу зашикали.

Савва велел звать священника. Когда дворня разбежалась, Савва снял ключ с шеи дядюшки и положил в карман. Потом кликнул баб, чтобы посмотрели за барином – вдруг жив ещё?

Когда утихло, Савва пробрался в библиотеку и проделал трюк с книжной полкой. Дрожащей рукой вставил ключ в сейф, боясь, что не подойдёт, и провернул. Дверца поддалась, и Савва извлёк на свет вожделенную книгу в чёрном кожаном переплёте. От волнения у Саввы перехватило дыхание. В коридоре слышались чьи-то торопливые шаги, Савва быстро спрятал книгу обратно, закрыл сейф и вернул полку на место, сделав вид, что изучает корешки с названиями.

Вошёл дворецкий:

- Батюшка прибыли, они у вашего дядюшки сейчас.

- Так он жив? - изумился Савва.

- Да. Как вы ушли, пошевелился и застонал, видно, в обмороке был. Батюшка его причащает. Кончается Демьян Иванович... - старик смахнул слезу, - большой души был человек! Уж как праздник, так и подарочки, и рюмочку поднесёт, и про детишек спросит, и про бабу мою... не гнушался нашим братом... эх, да что говорить! - верный слуга махнул рукой и отвернулся, плечи его затряслись.

Савве было чуждо это волнение. Он остался спокоен, как будто ничего не случилось. Но чтобы не прослыть чёрствым и неблагодарным, он сказал:

- Ну, полно тебе, Евдокимыч! Не убивайся так... все под Богом ходим! - Савва попытался сделать скорбное лицо.

Евдокимыч тяжело вздохнул:

- Понимаю, что всё в руках Божьих, но слёзы так и катятся, так и катятся, окаянные! Словно баба какая... стар я тоже уже... мысли всякие лезут... что там, да как? У Бога-то?

- Да ты поменьше думай об этом, дорогой мой! Или дел у тебя нет?

- Да есть, барин, есть дела-то... дел тех мне до самой смерти не переделать...

– Вот и ступай, делай дела-то... барина подготовить надо, распорядись там... я один хочу побыть. – Савве не терпелось остаться в одиночестве, и болтовня старика его раздражала.

Евдокимыч ещё раз вздохнул, повернулся и вышел, оставив, наконец, Савву одного. Савва закрыл дверь на ключ, чтобы никто больше случайно его не побеспокоил, и вытащил книгу из сейфа.

Кожа на обложке местами затёрлась и блестела. Савва нежно погладил её рукой. Медная застёжка позеленела, Савва отогнул её и открыл книгу. Его глазам предстали описания сатанинских ритуалов, сопровождаемые картинками. Многие картинки были откровенно непотребными и пугающими. Савва пробежал глазами по строчкам, жадно впитывая написанное.

Савва перелистывал страницу за страницей, где-то останавливался, перечитывая по несколько раз. Наконец он устал, закрыл книгу и убрал в сейф. Глаза его горели, на губах блуждала улыбка. Дядя слабак: он испугался, испугался и спрятал книгу. Наверное, сейчас мнит себя великим грешником, пытается рассказать благообразному попику всю правду, кается... если обрёл дар речи, разумеется. А если нет, так только мычит или плачет. Идиот, мог бы иметь весь мир, а прожил жизнь земляного червяка. Боже, как слаб человек! Слаб и ничтожен!

Савва потёр пальцами виски – голова раскалывалась. В дверь робко постучали. Савва вскочил и открыл дверь. На пороге стоял испуганный Евдокимыч.

– Барин сейчас помрёт! Идите скорее, Савва Андреевич, он вас велел кликать. Видно, попрощаться хочет. Батюшка ужо и причастил его...

Савва выбежал за дверь и бросился в комнату к дяде. Тот лежал на кровати и смотрел прямо перед собой. Савва подошёл к нему и сел рядом на стул. Батюшка стоял рядом. Дядюшка глазами показал, чтобы тот вышел, а потом вперил угасающий взор в Савву и прошептал:

– Книгу... книгу сожги... умо...ляю... сожги... зло... ключ... где?..

– Какой ключ? – Савва сделал вид, что не понимает.

– К...люч... на шее...

– Не знаю, дядюшка, о чём вы говорите... разве это так важно? Ключ какой-то... простимся давайте.

– Про...щай, Са...в...ва... не поми... най... лихом... ты... взя...л... я... – дядюшка хотел ещё что-то сказать, но вдруг узрел что-то на противоположной стене и с ужасом уставился на неё. Глаза его расширились, он начал хватать ртом воздух, пальцы конвульсивно сжимались и разжимались, цепляясь за простыню. Савва понял, что дядюшка уже шагнул за невидимую грань, отделяющую мир мёртвых от мира живых. Он с некоторым интересом, хотя и не без брезгливости наблюдал момент умирания живого существа. Плоть дядюшки начала содрогаться, очевидно, дух не очень охотно покидал её. Дядюшка исторг крик, и бездыханный откинулся на подушки. Савва закрыл ему глаза рукой и вышел из комнаты.

Дворовые собрались за дверь, они молча воззрились на Савву. Он кивнул и велел приготовить новопреставленного к погребению. Люди зашушукались, кто-то всхлипнул, бабы заголосили, начали истово креститься. Савва прошёл через толпу и удалился в свою комнату. Смерть, как он и ожидал, не произвела на него особенного впечатления, хотя сам факт перехода человеческой души за грань невозможного его взволновал. Дядюшка явно что-то увидел в момент смерти. Жаль, не смог сказать об этом... но Савва был уверен, что что-то было... это что-то было пугающим, судя по реакции дядюшки... неужели за ним пришёл Дьявол? Не похоже, что можно так испугаться Ангела...

Савва одетым лёг на кровать, заложив руки за голову. Мысли его вернулись к Надин. Надин ему нужна. В ближайшее время он сделает ей предложение, и она не откажет ему. Надин переедет сюда, и будет полностью в его власти. Но разве она не хочет этого? Уйти от света, от сплетен и пересудов, поселиться в деревне... конечно, она этого хочет. Но в данном случае у Надин особая миссия. Он скажет ей об этом после свадьбы.

В комнате стало темно, и Савва зажёл свечу. Пламя отбрасывало на стену неясные тени, и Савве показалось, что комната наполнилась чудовищами. Он торопливо разделся, стараясь не смотреть на стены, задул свечу и лёг в постель.

После дядюшкиных похорон Савва написал Надин, что ждёт её у себя в самое ближайшее время. Надин ответила, что постарается приехать через пару недель, если Савва задержится в деревне. Савва ответил ей, что пока останется в деревне, так как после смерти дядюшки надо привести в порядок дела.

Надин появилась в имении Саввы ровно через две недели, как и обещала. Савва встретил её. Надин выглядела похудевшей и посерьёзневшей. Савва бросился навстречу, когда она выходила из двуколки.

- Надин! - Савва подал ей руку. - Как я ждал вас!

Он так посмотрел на Надин, что та смутилась. Савва поцеловал ей руку:

- Как славно, что вы приехали! Я совсем одичал здесь. После смерти дядюшки мне очень одиноко. Я всё боялся, что вы не приедете...

- Как я могла не приехать? Матушка мне все уши прожужжала. Вы произвели на неё впечатление. Если бы я не захотела ехать, она бы просто-напросто меня выгнала из дома.

- Так вы не хотели ехать? - На лице Саввы читалось такое искреннее огорчение, что Надин улыбнулась:

- Нет, ну что вы... я тоже хотела вас навестить. Если бы я не хотела, вряд ли матушке удалось бы меня уговорить. Ну что же мы стоим? Я продрогла, трясясь по вашим дорогам.

- О! Простите меня, я отвратительный хозяин! Пожалуйста в дом, я велю принести чаю и чего-нибудь покрепче, чтобы вы согрелись.

Савва подхватил саквояж Надин и понёс в дом. Надин шла за ним. Спина Саввы, которая маячила перед ней, выглядела ровной и широкой, и Надин показалось, что за эту спину можно спрятаться. Она любовалась стройной фигурой молодого человека, его решительной поступью, и думала, что в браке есть не только отрицательные стороны.

Савва, почувствовав взгляд Надин, обернулся и улыбнулся. Надин покраснела, будто её застали за чем-то постыдным.

В комнате, которую Савва определил для Надин, она переоделась и умылась с дороги. Прежде чем выйти, Надин долго прихорашивалась перед зеркалом. Она испытывала неловкость, оттого что приехала одна в гости к молодому человеку, тем более что такое с ней происходило впервые. Но надолго задерживаться в комнате показалось ей неприличным, и Надин вышла к столу. Савва ждал её. Он сам налил вина в бокал и поставил перед Надин.

– За нашу встречу! Мне ужасно неловко: после смерти дядюшки так мало времени прошло... но я не могу скрыть свою радость... вы прелестно выглядите, Надин!

– Вы заставляете меня краснеть. Давайте лучше выпьем! – Надин подняла бокал.

Савва поднял свой, они чокнулись и выпили. Наливка оказалась крепкой, она ударила Надин в голову. Савва рассказал ей о жизни в деревне, о дядюшке, они выпили за помин его души... Савва впери в Надин горящий взгляд:

– Надин... милая... Надин... я давно хотел сказать вам... – Савва сделал многозначительную паузу, и так как Надин молчала, Савва продолжил, – я люблю вас, Надин... я позвал вас сюда с единственной целью... одной-единственной целью... просить вас стать моей женой... – заметив удивление в глазах Надин, Савва картинно выбросил вперёд руку. – Нет, нет, умоляю вас, молчите! Молчите, не говорите ни слова! Я понимаю, вам нужно подумать... связать себя узами брака с человеком на долгие годы... на всю жизнь, это очень серьёзный шаг... просто я давно думаю об этом, о вас, Надин... я давно решил, что хочу прожить с вами жизнь, хочу состариться рядом с вами...

Надин теребила рукой вилку:

– Вы уверены в этом?

– О! Конечно, конечно, я уверен! Если бы я имел хоть каплю сомнения, я бы никогда не осмелился сказать это вам! А сейчас давайте просто выпьем и поужинаем. Вы устали с дороги, я не тороплю вас с ответом. Ешьте, дорогая Надин, ешьте! Вы немного бледны, деревенский воздух и еда пойдут вам на

пользу.

- Да, наверное...

- Как там в городе? Что слышно?

- Ничего, всё по-прежнему. То есть очень скучно. Я в последнее время мало куда выходила.

- Мы будем гулять с вами по окрестностям каждое утро, если захотите. Вы умеете ездить верхом? Мы можем совершать конные прогулки. Здесь в конюшне замечательные лошади. Я подберу вам не слишком норовистую.

- Я умею ездить верхом и очень люблю лошадей. С удовольствием буду ездить по утрам. Обычно я рано встаю.

- Я тоже встаю рано, в этом мы с вами похожи.

Надин ничего не ответила, она наколола на вилку кусочек мяса и отправила в рот.

До конца ужина Савва перебросился с Надин ещё парочкой незначительных фраз, потом Надин сослалась на усталость и отправилась в свою комнату. Савва проводил её до дверей.

- Надеюсь, вы хорошо отдохнёте с дороги, здесь очень мягкие перины! Так вы не против покататься до завтрака? По зорьке?

- Нет, не против.

- Тогда я буду ждать вас во дворе...

- Хорошо. - Надин закрыла дверь за Саввой, умылась, разделась и легла в кровать.

Сердце её учащённо билось. Откровенно говоря, она не ожидала, что Савва сделает ей предложение в первый же день по приезду, и потому Надин оказалась не готова. Она и сейчас, когда шок прошёл, чувствовала себя немного растерянной. Что ей делать? Согласиться? Отказаться? Мысли в голове у Надин метались, словно в пьяном угаре. Чтобы немного успокоится и спокойно подумать, Надин выпила воды из кувшина, стоящего на тумбочке возле кровати. Её лицо пылало, и она никак не могла сосредоточиться. Как же ей поступить? Как, Господи, как?

Надин начала читать молитву и спустя некоторое время ей удалось успокоить взбудораженный ум.

Конечно, она ответит согласием. Зачем лукавить перед собой? Савва волнует её... она не хочет, чтобы он исчез из её жизни, а если она скажет нет, они никогда больше не увидятся. Да и матушка будет рада, что Надин выходит замуж. Всем будет хорошо. Только будет ли хорошо ей, Надин? Она так мало знает Савву! Каким он будет мужем? В нём чувствуется затаённая сила, что-то недосказанное, мрачное и дикое... Савва не так прост, как может показаться. Но что скрывать, именно это и привлекло её в нём. Надин с детства обожала тайны. А вдруг он будет деспотом? Но Надин тотчас отбросила эту мысль. Она никому не позволит обращаться с собой грубо, даже мужу. Лучше она уйдёт и прослывет гулящей, чем будет терпеть обиды.

А пока зачем думать о плохом? Надо выспаться и отдохнуть, чтобы завтра выглядеть свежей. Савве не понравилась её бледность, что ж... она постарается ради него. Надин, незаметно для себя, заснула.

А утром они скакали с Саввой по лугам и полям. Надин с азартом прищпоривала лошадь, лицо её разрумянилось, Надин было весело. Она смеялась, слегка запрокидывая голову. Лошадь неслась во весь опор.

На опушке леса Надин осадил лошадь и остановилась, чтобы подождать Савву и полюбоваться окрестностями. Она чувствовала себя хорошо и спокойно. Савва спешил и подошёл к ней. Надин отпустила лошадь поpastись, а сама уселась на траву. Савва опустился рядом.

- Вы загнали меня, Надин, я и не подозревал, что вы такая лихая наездница!

– Да, кузен научил меня ездить верхом. Он обожал лошадей... мы с матушкой раньше часто бывали у него в деревне.

– А сейчас? Вы не говорили мне про вашего кузена.

– Моя матушка повздорила с сестрой, его матушкой, и мы перестали к ним ездить. Я скучала по брату, но потом успокоилась.

– Интересно. Что ещё вы скрываете от меня?

– Ничего. А что скрываете вы?

– Да тоже ничего. Я всё рассказал вашей матушке за ужином. Последний мой родственник, дядя, скончался недавно, как вы знаете. У меня не очень весёлая жизнь.

– Мне жаль вашего дядю.

– Помилуйте, Надин! Да что же его жалеть?! Он счастлив сейчас, предстал перед Богом. Думаю, он попадёт в рай, дядя был добрейшей души человек.

– Вы как-то неискренне это говорите, будто в насмешку...

– Это вам показалось, а если честно, я не очень-то верю в рай или ад. Хотя думаю, что там всё же есть что-то... перед смертью дядя как будто увидел нечто. Нечто ужасное... как мне показалось...

– У меня мурашки по коже от ваших рассказов. Давайте о приятном. В такой день не хочется бояться.

– Вам нечего бояться, милая Надин! К тому же я ни в чём точно не уверен. Это могли быть просто галлюцинации умирающего человека. Зачем вам думать о смерти? Мы с вами ещё молоды.

Надин жевала травинку. Савва взял её руку и стал перебирать длинные пальцы девушки. Она не сопротивлялась. Савва подвинулся поближе и прижался губами к руке. Надин провела рукой по его волосам. Савва обнял Надин за талию и

прижал к себе. Надин стало жарко. Она глубоко вздохнула, но Савва крепко держал её. Он приблизил лицо к лицу Надин и поцеловал в губы. Надин разжала зубы, и язык Саввы оказался у неё во рту. Голова у Надин закружилась, она почувствовала себя совершенно парализованной чужой волей. Савва покрывал поцелуями лицо и шею Надин, а она молча отдавалась страстным порывам.

Наконец Савва, тяжело дыша, почти оттолкнул Надин от себя, и она увидела, как трудно ему совладать с собой. Надин поправила волосы и встала на ноги:

– Мне кажется, нам пора возвращаться... у меня проснулся аппетит.

Савва вместо ответа вперил в Надин горящий взор:

– Вы подумали над моим предложением? Мне не хочется ждать... ожидание меня выматывает.

Надин отвернулась:

– Я думала всю ночь...

– Всю ночь?! Так вы любите меня?

– Я... я... согласна выйти за вас замуж.

– Слава Богу! Слава Богу, дорогая! Я боялся, что вы откажете мне... мы должны обвенчаться немедленно.

– Куда вы торопитесь? Нужно сказать матушке... – Надин была обескуражена таким напором.

Савва и сам почувствовал, что излишне забегаёт вперёд.

– Извините, конечно, мы скажем матушке. Напишите ей, чтобы приехала. Мы обвенчаемся здесь, в церкви.

– Вы собираетесь жить в деревне?

– Пока да, меня не тянет в город. Вам разве плохо здесь?

– Да нет, мне здесь нравится.

– Вот и решили, поживём здесь. Напишите матушке.

– Я напишу. – Надин села на лошадь, Савва последовал её примеру, и они поскакали в имение.

Надин в тот же день написала матушке, что Савва сделал ей предложение, и они просят её прибыть в имение Саввы, так как намерены обвенчаться в самое ближайшее время.

Дарья Спиридоновна не замедлила явиться. Савва оказал ей самый тёплый приём. Дарья Спиридоновна растаяла и окончательно укрепилась в мысли, что Надин нашла наконец своё счастье. Она была искренне рада за дочь.

После посещения Саввой их дома, она тайком сбегала к гадалке и попросила поворожить, чтобы жених не уплыл из рук. Глашка обещала. Ворожба помогла, и Дарья Спиридоновна была довольна: деньги уплачены не зря.

Савва показывал ей дом, а она смотрела на всё хозяйским глазом, примечала. Про себя подумала, что имение неплохое, хоть слуги и ленивые. Хотела сказать об этом Савве, чтобы со слугами построже был, но вовремя осеклась: негоже поперёк батьки в пекло лезть.

Венчание назначили через неделю, Савва торопился. Надин такая спешка казалась неуместной, но Савва сгорал от нетерпения сжать в объятиях жену. Он всё время твердил, как чудесно они будут жить вдвоём в деревне, как они будут счастливы, и прочее. Надин слушала его, веря и не веря. Что-то неуловимое смущало её, какая-то фальшь, чрезмерно горящий взгляд Саввы. Он напоминал Надин фанатика, который вдруг обрёл предмет поклонения. Надин не могла поверить, что всё это время Савва таил от неё такие бурные чувства, а она была так слепа, что не замечала этого. Напротив, Савва казался Надин рассудительным и практичным. Она даже приписывала ему некоторую холодность. Теперь же Савва удивлял Надин каждый день своей восторженностью и лихорадочной деятельностью. Она могла бы приписать это любовной горячке, но почему-то Надин показалось, что для этого состояния у

жениха есть другая причина. Надин терялась в догадках – может он болен? Она осторожно спрашивала Савву, как он себя чувствует, но Савва только смеялся. Он уверял, что никогда так хорошо себя не чувствовал. И это заслуга Надин. Когда он так говорил, Надин начинала ему верить.

У Дарьи Спиридоновны вообще не спадала пелена с глаз. Она открыто восторгалась Саввой, его недюжинным умом, и слышать не хотела ни о каких подозрениях. «Саввушка так уж умён, так пригож!» – бывало, говорила она, сидя за вышивкой длинными вечерами. Надин не возражала, чтобы не расстраивать мать, но и не поддерживала. Временами Дарья Спиридоновна будто что-то замечала, и тогда спрашивала: «Да ты ли довольна, Наденька? Что грустная такая? Или Саввушка тебе не люб?» Надин отмахивалась: «Да люб, матушка, люб!»

Так прошла неделя.

За это время Савва купил Надин наряд для венчания. Платье Надин очень понравилось, она подумала, что всегда о таком мечтала. Имение готовилось к свадьбе, хотя многие осуждали Савву, за то, что не стал дожидаться окончания траура по дяде. Только старик Евдокимыч его поддержал:

– Что ж, что скоро... живому о живом думать надобно... страдает наш Саввушка, не может один-то... добрая жена ему в самый раз сейчас будет. А Надежда Петровна девушка хорошая, порядочная, добрая, настоящая барыня.

Савва не обращал на пересуды особого внимания. Решили не устраивать пышной свадьбы, чтобы не дразнить соседей и обойтись близким кругом. Надин не возражала: она не любила пышных празднеств. Дарья Спиридоновна повздыхала втихомолку, так как рассчитывала на большее, но смирилась. Главное, что Наденька замуж выходит, а остальное пустяки. Потом детки у них пойдут, всё ей веселее будет.

При мысли о внуках глаза у Дарьи Спиридоновны заволакивались пеленой. Как приятно внучков понянчить, побаловать! На сердце у женщины становилось тепло. Наконец-то они с Наденькой не одни, обретут опору, заступника, мужчину... Дарья Спиридоновна опять вздыхала, на этот раз от избытка чувств.

В свадебном наряде Надин была великолепна. Белый цвет удачно оттенял её слегка смуглое лицо, на котором выделялись огромные чёрные глаза. Савва в чёрном костюме и белой рубашке гармонично дополнял её. Они были красивой парой. Дарья Спиридоновна всплакнула тайком, вытирая слёзы кружевным платочком.

После свадебного ужина, на котором присутствовали всего несколько соседей, которые были дружны с дядей Саввы, молодые отправились в заранее подготовленную опочивальню. Здесь Надин ждал первый сюрприз.

Она робела, целый вечер думая, что случится, когда они останутся наедине. Её бросало то в жар, то в холод. Она не знала, раздеться ли ей самой или Савва разделет её?

Но её опасения были напрасны. Когда они остались одни, Савва бросился на кровать и уснул. Надин растерялась, она чуть не задохнулась от обиды. Так нелепо опростоволоситься! А она размечталась! Надин разделась и легла рядом с Саввой. Через пару минут её возмущение прошло, и Надин укорила себя: какая она порочная! Савва просто перенервничал, он тоже боится того, что должно случиться, как она сразу не догадалась! Бедный, бедный Савва! Надин прониклась к нему нежностью. Он не хочет ложиться с ней в постель пьяным, что тут непонятного?! Куда спешить, они теперь муж и жена.

Но Надин не могла уснуть. Присутствие мужчины в постели будоражило её ум. Надин бросало попеременно то в жар, то в холод. Она хотела сама прикоснуться к Савве, но не могла решиться. Что он подумает о ней?! Надин покраснела. Он может решить, что я порочна, как распутная девка.

Надин встала и подошла к окну. Огромная жёлтая Луна светила на небосклоне. Надин стало холодно, и она вернулась в постель. Савва спал беспробудным сном. Надин укрылась одеялом и незаметно для себя уснула.

Когда утром Надин открыла глаза, Саввы не было рядом. Надин вновь удивилась такому странному поведению новобрачного, и его полному равнодушию к ней. Она никак не могла взять в толк, что происходит и почему её муж так ведёт себя? Разные мысли закрадывались ей в голову. Может, он болен? Болен и скрывает от неё? Но зачем в таком случае эта поспешная женитьба? Надин терялась в догадках. Она думала, что Савве нужно её участие, утешение, её

любовь и забота, а оказывается, она для него пустое место? Слёзы подступили к горлу Надин, но она сдержалась. Её вдруг испугала мысль, что Савва зайдёт и увидит свою жену в таком состоянии. Он может подумать, что она истеричная дура.

Надин встала с кровати и оделась. Савва не приходил, и Надин решила выйти из комнаты. Дом был пуст, даже слуги куда-то разбежались. Встревоженная Надин пошла по коридору и наткнулась на приоткрытую дверь. Надин заглянула туда – это была библиотека. Она вошла и увидела Савву, он сидел в кресле, опустив глаза, очевидно, что-то читал. Услышав шаги, Савва поспешно захлопнул книгу и поднялся навстречу Надин.

– Надин! Дорогая! Зачем ты поднялась так рано?! Ещё темно... да и завтрак не готов. Мои слуги только проснулись. Дядя их слегка распустил, он завтракал не раньше полудня.

– Мне не спалось без вас...

– Оставим церемонии, мы теперь муж и жена, называй меня на ты. Я рано встаю, ты же спала так крепко, что мне не хотелось тебя тревожить. Я знаю, как сладок сон на рассвете.

– А что вы... ты... делаешь здесь?

– Читаю. У дяди роскошная библиотека, а я всегда любил книги... здесь много старинных, настоящий антиквариат.

– Вы покажете их мне? Я тоже люблю книги.

– Как-нибудь потом... сейчас нужно позавтракать. Я потороплю этих бездельников. Как ваша матушка? Хорошо спала?

– Я не видела её. Но она не ранняя пташка.

– Пойдёмте, разбудим её.

Савва слишком уж поспешно подхватил Надин под руку и вывел из библиотеки.

Несмотря на все эти казусы, завтрак получился весёлым. Савва много шутил за столом, Дарья Спиридоновна смеялась, Надин молчала. Ей хотелось остаться наедине с Саввой, хотелось, чтобы он обнял её и прижал к себе. Она представляла, как губы Саввы прижимаются к её губам, и сердце её начинало колотиться сильнее. Надин казалось, что этот стук слышат все за столом, и она испытывала неловкость. От этого завтрак казался Надин бесконечным. Наконец принесли чай, и Надин вздохнула с облегчением.

После чая Дарья Спиридоновна задремала, а Надин, преодолевая смущение, решила обратиться к Савве:

– Может, нам немного прогуляться по окрестностям? Вы обещали показать мне конюшню. Я очень люблю лошадей.

Савва помедлил несколько секунд, и это промедление не укрылось от Надин, но потом кивнул:

– Конечно, дорогая моя жёнушка, я покажу тебе конюшни. Мы можем прокатиться верхом, если ты пожелаешь.

– Я пожелаю, – Надин неожиданно для себя капризно надула губы и произнесла:
– Вы, кажется, забыли, что женились вчера...

Савва засмеялся:

– Ах, вот в чём дело! А я-то думаю, почему это моя жёнушка так недовольна с утра? Прости меня, дорогая, – Савва взял руку Надин и поцеловал её, – я виноват... видимо, перенервничал... роль мужа для меня нова, как и для тебя. Не торопи, прошу...

Надин покраснела:

– Вы не так меня поняли... я не настаиваю, просто... просто... мне стало так одиноко в вашем доме... наверное, это пройдёт... во всяком случае, я надеюсь на это... вот и матушка моя прижилась у вас...

– Мы же договорились, дорогая, что будем на ты. Тебе не стоит волноваться, у нас с тобой впереди целая жизнь.

Надин стояла, понуриив голову. Савва ласково обнял её за талию и увлѣк во двор.

Прогулка верхом на гнедой кобыле немного успокоила взволнованную Надин. В мыслях у неё царил полный сумбур. Она то начинала жалеть, что вышла замуж, то страстно хотела поскорее начать семейную жизнь, приняться за обустройство дома, окунуться с головой в хозяйство.

Гнедая кобыла несла Надин по полям, тѣмный локон выбился из-под шляпки, она покраснелась, сердце её колотилось. Наконец, устав от быстрой езды, Надин осадила лошадь и пустила шагом. Савва догнал её и поехал рядом.

– А ты прекрасная наездница... не ожидал от тебя такой прыти, признаться.

– Я и сама от себя не ожидала... давай спешимся вон на той полянке! – Надин показала пальцем на небольшую полянку, находящуюся в поле зрения.

Савва исполнил желание Надин и слез с лошади. Надин последовала его примеру. Она тяжело дышала, то ли от усталости, то ли от возбуждения. Ноздри её тонкого носа раздувались, губы приоткрылись. Она подошла к Савве поближе и заглянула ему в глаза. Савва смутился и опустил взгляд, но, уловив шестым чувством, чего именно хочет от него Надин, обнял её и прижался губами к её губам. Надин затрепетала.

Поцелуй оказался долгим. Савва распался всё больше и больше. Он положил руку на грудь Надин и с силой сжал её. Из груди Надин вырвался стон. Савва попытался расстегнуть пуговицы на спине платья Надин. Она хотела помочь ему избавиться её от узкого платья, мешающего им сполна насладиться друг другом, но Савву вдруг будто кто-то ударил. Он резко отстранился от Надин, и даже оттолкнул её от себя, хотя Надин видела, что он с трудом справляется с желанием.

– Что с тобой? – грудь Надин вздымалась от переполнявших чувств.

– Я не могу здесь... – процедил Савва сквозь зубы, – нас могут увидеть...

– Ну и что? – сказала Надин, и осеклась, хотя продолжила, пусть и не без некоторого колебания, – ты мой муж... и мы здесь одни... кто может нас увидеть?

– Не знаю, может, и никто, но я не могу... здесь не могу... поедem домой... мне нужно заняться делами имения. Я даже не знал, что дядя так всё запустил.

Надин молча оседлала кобылу и пустила галопом. Савва поехал следом.

С тех пор у Надин началась семейная жизнь. Дарья Спиридоновна уехала, чтобы не мешать молодым налаживать быт. Она была весьма тактичной особой, и не хотела показаться навязчивой. Надин не стала её удерживать. Присутствие матери тяготило молодую женщину. Когда Дарья Спиридоновна, дав последние наставления как вести себя с мужем, села в коляску, Надин облегчённо вздохнула и, как ей показалось, и Савва тоже.

Но, несмотря на все надежды, в семейной жизни Надин мало что изменилось. Они с Саввой спали в разных комнатах. Савва желал ей спокойной ночи, целовал Надин в щеку и удалялся под предлогом накопившихся дел. Он много времени проводил в библиотеке и рабочем кабинете. Надин сначала ждала его в постели с замиранием сердца, наивно полагая, что Савва придёт к ней, как закончит дела, но её ожидания были, увы, напрасны. Муж ни разу ни удостоил её посещением. Надин поначалу злилась, потом ей стало всё равно.

Как-то раз за завтраком, просто ради любопытства, она спросила мужа:

– Чем ты занят по ночам? Я начинаю думать, что мой муж самый занятой человек на свете.

– Разбираю бумаги, оставшиеся после дяди. Там много любопытного...

– Ты так увлёкся, что мне кажется, жена тебе совсем не нужна. Разве что в качестве предмета интерьера... я не права?

– Не говори глупости! Что это на тебя нашло с утра пораньше?

– Нашло? – Надин почувствовала, что заводится. – Ничего. Я до сих пор девственница, с вашего позволения. А мы женаты уже месяц. И ты смеешь говорить мне, что на меня нашло? Прости, но я ничего не понимаю. Или я требую невозможного? Мне неловко говорить тебе об этом! – Надин покраснела и отвернулась. Так как Савва продолжал молчать, она добавила: – Может, ты болен? Болен и боишься сказать мне об этом? Облегчи душу, я пойму тебя! Но так жить невыносимо! – На глаза Надин навернулись слёзы. – Ты шарахаешься от меня, будто я прокажённая!

Савва поднял глаза на Надин. Ей не понравился его взгляд. Он был рассеянным и блуждающим. Надин пожалела, что затеяла этот разговор, но неожиданно Савва ответил:

– Я не хотел говорить, но раз ты настаиваешь... я дал обет дяде, когда он лежал на смертном одре, что не прикаснусь к женщине, пока не истечёт год со дня его смерти.

– Господи! Но почему ты скрывал это?! Неужели ты думал, что я не способна понять?! Это очень жестоко с твоей стороны... так мучить меня... держать в неведении... Но почему дядя потребовал от тебя такого?

Савва пожал плечами:

– Откуда мне знать? Возможно, он не совсем понимал, что говорит... но я не смог нарушить обещания, данного у постели умирающего... я понимаю, это глупо и нелепо, но разве год такой уж большой срок?!

– Ну конечно, нет! Если бы ты сказал мне сразу... – Надин посмотрела на мужа смягчившимся взглядом, – разумеется, я буду ждать... тебе не следовало беспокоиться о таком пустяке... но позволь, зачем ты тогда женился на мне? Можно было повременить со свадьбой...

– Я боялся потерять тебя... я испугался, испугался как дурак, что ты не станешь ждать так долго. Я виноват, что поддался слабости, что обманул тебя, ввёл в заблуждение... ты имеешь право злиться на меня. Но прошу, не суди строго! Я полюбил тебя, как только увидел. Я сразу понял, что не могу отпустить тебя, я

бы не пережил, если бы ты досталась кому-то другому. Ты простила меня, Надин? – Савва ласково погладил руку жены.

Надин улыбнулась:

– Как ты мог сомневаться во мне? Муж и жена – одна сатана...

При этих словах Савва оживился и громко расхохотался:

– Одна сатана! Ха-ха! Как ты говоришь?! Одна сатана?! – Савва вытер рукой набежавшие от смеха слёзы.

Надин смотрела на него с недоумением:

– Не понимаю, что такого смешного я сказала? Это общеизвестное выражение...

– Нет, нет! Ты ни при чём! Просто вдруг стало смешно. Как будто сатана состоит из двух частей... мне показалось это забавным. Хотя, если задуматься, в вас, женщинах, гораздо больше дьявольского, чем в нас.

– Не уверена. Во всяком случае, я бы не стала говорить за всех женщин...

– Конечно, тебя это не касается, ты Ангел. Настоящий Ангел! – Эти слова Савва произнёс с особенным чувством.

– Ты льстишь мне... все Ангелы на Небесах...

– Ты мой Ангел, мой земной гений.

Надин глубоко вздохнула и опустила глаза: комплименты Саввы её смущали.

После этого разговора Надин успокоилась. Она сочла причину, изложенную Саввой, вполне убедительной. Воля покойного была для неё святой. Она не давала себе труда задуматься, почему дядя Саввы поступил именно таким образом, но обет, данный у постели умирающего, считала нерушимым.

Ещё через несколько недель вечером Савва вдруг зашёл в комнату к Надин. Надин готовилась ко сну. Она сидела перед трюмо на стуле и расчёсывала волосы. Савва подошёл к ней сзади и обнял за плечи. Надин вздрогнула и обернулась:

- Ты напугал меня. Признаться, я не ждала своего мужа так поздно у себя в опочивальне... или дядя явился тебе во сне и освободил от обета воздержания, данного у его постели?

- Нет, дядя не являлся мне во сне. Очевидно, он дал все указания ещё при жизни. Жизнь земная его теперь мало интересует. Я хотел поговорить с тобой без посторонних ушей.

- Посторонних ушей?! Помилуй, но какие здесь посторонние уши?! Здесь, кроме нас, никого нет.

- А слуги? Они очень любопытны.

- Слуги?! Это странно, что ты опасаясь слуг... по-моему, наша жизнь их мало интересует.

- Ты заблуждаешься, моя милая. Именно наша жизнь и интересует их больше всего. Помилуй, чем им ещё заниматься?!

- Не знаю, у нас с матушкой не было слуг. Кроме Груньки, глупой девки.

- Ты очень красива с распущенными волосами. Я жду не дождусь, когда смогу видеть, как ты готовишься ко сну. Я не пропущу этого зрелища... - Савва откровенно любовался Надин, она заметила желание в его взгляде и пришла в смятение:

- Наберись терпения, потому что тебе ещё долго ждать. Но о чём ты хотел со мной поговорить? Неужели об этом? Как томительно ожидание?

Савва вздохнул:

– Нет, не об этом. Надин! Мы можем завоевать мир! Но ты должна мне помочь.

Глаза Надин широко распахнулись от удивления. Она хотела засмеяться, но, увидев лицо Саввы с фанатичным взглядом, подавила смешок:

– Завоевать мир? А зачем нам его завоёвывать?

– Зачем? Какой глупый вопрос! Мы будем всемогущи! Деньги, власть, всё, буквально всё будет у наших ног! Мы не живём сейчас, мы прозябаем! Это жизнь червей, земляных червей. Неужели ты не видишь этого, Надин? Я думал, ты похожа на меня... – Савва дрожал от возбуждения, произнося эти слова.

Надин помотала головой:

– Я не понимаю тебя: ты здоров? У тебя так блестят глаза, может, ты подхватил простуду намедни? Ветер вчера был ледяной.

– При чём здесь ветер?! Надин, послушай... я вполне здоров... не перебивай меня, в библиотеке дяди я нашёл книгу... это очень старинная книга, я давно искал её, но дядя прятал книгу от меня. Там написано, что нужно сделать, чтобы стать самым могущественным человеком на свете... это не так трудно, Надин, но ты должна мне помочь.

Теперь Надин позволила себе откровенно рассмеяться:

– Ты веришь в эти глупости?! Не знала, что мой просвещённый муж столь наивен...

– Надин, не говори так, нам нужно провести ритуал... через два дня, в полнолуние. Мы пойдём в заброшенную церковь на окраине, и я прочитаю заклинание... не смейся, мой дядя хотел это сделать, но не смог, он был слабым человеком, и не годился для этой роли... – голос у Саввы срывался.

Его волнение передалось Надин. Она с самого начала знала, что Савва равнодушен к мистике. Она и сама интересовалась ею, но дальше простого любопытства дело не заходило.

Савва ещё раз провёл рукой по распущенным волосам Надин:

– Я покидаю тебя, мне нужно как следует подготовиться, спокойной ночи! Я очень надеюсь на тебя, милая Надин... – Он вышел из комнаты, тихо притворив за собой дверь.

Надин машинально взяла гребень с туалетного столика и провела по волосам. Разговор с Саввой оставил двойственное впечатление. Он показался Надин сумасшедшим... нёс какой-то бред про могущество, про ритуал... разумеется, сатанинский ритуал, ибо кто ещё может обещать золотые горы? Конечно, не Господь... Он ничего не даёт даром, всё нужно заслужить, он всегда прямо говорит об этом, в отличие от того, другого... в конечном итоге, и за услуги Того тоже придётся заплатить, но какой ценой?

Надин водила гребнем сверху вниз по волосам, продолжая думать о Савве. Неужели он и правда сошёл с ума? Или это временное помешательство? Нашёл какую-то дядину книгу и поддался её чарам? Уверился в том, что всё, что написано там, чистая правда?

Надин положила гребень на столик. А вдруг там действительно правда? Надин никогда не читала подобных книг, но слышала об их существовании. Колдуны, маги, медиумы, они читают подобную литературу. Читают, и следуют изложенным указаниям... наверное, у них что-то получается... они уверены, что заклинания имеют силу... Надин и сама не чуралась таинственного, более того, ей нравилось таинственное... да что греха таить, и сейчас таинственное влечёт её... Ещё до знакомства с Саввой она тайком от матушки посещала спиритические сеансы мадам Н., они вызывали там духов великих людей... это было так захватывающе, так интересно! Мадам Н. считала себя медиумом... она смешно закатывала глаза, её длинные тонкие пальцы тряслись, когда она простирала руки над кругом с буквами и цифрами... Надин было немного жутко и любопытно одновременно. С бьющимся сердцем она наблюдала, как стрелка, лениво начав движение по кругу, убыстряла темп вращения, а потом замирала возле какой-нибудь буквы... буквы складывались в слова, слова в предложения... все, кто были за столом, крепко держались за руки, чтобы облегчить духу пребывание в бренном мире... Надин плохо помнила, о чём они спрашивали духа... что-то незначительное, несущественное... после этих сеансов у Надин всегда оставалось ощущение, что они невольно прикоснулись к чему-то запретному, неведомому... но манящему...

Иногда мадам Н. сама начинала вещать голосом вызываемого духа... дух изъяснялся очень туманно и непонятно, мог отвечать совсем не то, о чём его спрашивали. Надин считала это хорошо поставленным спектаклем с мадам Н. в главной роли, но в настоящую минуту задумалась: а было ли это спектаклем? После такого сеанса мадам Н. несколько дней никого не принимала, сказавшись больной. Надин считала, что мадам притворяется, чтобы привлечь внимание и держать публику в напряжении... Надин презирала её за это... но теперь вспомнила, что когда мадам Н. снова открывала двери своего дома для членов кружка, она и правда выглядела бледной и уставшей... Надин подумала, что была несправедлива к ней. Несмотря на все эти казусы, Надин не прекращала посещать кружок, не потому, что было модно, а потому что действительно интересно.

А потом всё внезапно закончилось... Мадам Н. потеряла мужа, а с ним интерес к спиритизму, и кружок распался. Говорили, что она собралась уезжать, так как считает, что это она виновата в смерти супруга. Вернее не она, а её увлечение. Духи забрали жизнь мужа мадам Н, кроткого незаметного человека, в оплату за удовольствие общаться с ними... Так это или нет, Надин точно не знала, но мадам Н. действительно исчезла из города и больше её никто не видел.

Надин вспомнила, что расстроилась тогда, что тайна ушла из её жизни, но потом познакомилась с Саввой и успокоилась. Савва вносил в её жизнь этот элемент неизведанного... он всегда был загадочен и непредсказуем. Взять хотя бы женитьбу на ней...

Надин переоделась в ночную сорочку и легла в постель. Что ж... она подыграет Савве... даже если её муж сошёл с ума, это всё равно любопытно... зачем ей обманывать себя саму?

Следующие два дня Надин видела Савву мало. Он почти всё время проводил в библиотеке и, как предполагала Надин, готовился к ритуалу. Лишь накануне предполагаемого таинства утром зашёл к Надин и, заглядывая в глаза, спросил:

– Готова ли ты, милая? Я весь дрожу с утра... так мне беспокойно...

– О чём ты волнуешься? Что может тебе помешать?

– Не знаю, Надин, не знаю... может... хотя, нет, я не хочу даже думать об этом...

Надин не стала ничего говорить Савве, она молча сидела возле трюмо и смотрела на себя в зеркало. Савва вышел, и до самого вечера Надин его больше не видела.

Когда стемнело, и дом погрузился в сон, Савва зашёл за Надин. Она ждала его одетой. Они спустились и сели в коляску, запряжённую гнедой кобылой. Савва сам занял место кучера.

Заброшенная церковь произвела на Надин гнетущее впечатление. Их появление испугало стаю ворон, и они с противным карканьем поднялись в воздух. Надин невольно вздрогнула. Савва крепко держал её за руку, словно боялся, что она передумает и уйдёт. Такая мысль и правда промелькнула у Надин, но она не хотела показывать Савве, что испугана. «Это игра, – убеждала она себя, – просто игра...» Вороны кружили над полуразрушенной церковью чёрной тучей. Надин и Савва прошли внутрь. Там всё было покрыто паутиной, в воздухе витал запах тлена. Надин стало холодно и страшно, она задрожала. В ответ Савва ещё крепче сжал её руку.

– Ты не должна бояться, – прошептал он, – скоро мы станем самыми могущественными людьми на всём белом свете.

Надин с трудом подавила смешок, ей показалось, что игра зашла слишком далеко. Но Савва явно не был склонен шутить. Он подвёл Надин к алтарю, и её изумлённым глазам предстало ложе, покрытое чёрным покрывалом. Отвечая на немой вопрос, Савва произнёс:

– Это для тебя, моя милая... не правда ли, оно прекрасно? – Савва нежно провёл рукой по чёрному покрывалу, и Надин снова усомнилась в его нормальности. Любопытство сменилось страхом, но Надин старалась не подавать виду. Теперь она увидела, что Савва не играл, и пришла в ужас. Надин огляделась по сторонам. Дверь в церковь, через которую они с Саввой прошли, висела на одной петле, и скрипела, раскачиваемая ветром, который свободно гулял в заброшенном прихожанами Божьем храме. Окна были выбиты и затянuty мерзкой паутиной, алтарь полуразрушен, пол в некоторых местах провалился и зиял чёрными дырами. Надин содрогнулась. Как могла она согласиться участвовать в этом отвратительном действе! Как мог Савва уговорить её?! Теперь Надин плохо понимала. Она попыталась вырвать руку у Саввы, но он

удержал её.

– Не нужно этого делать, милая Надин... – произнёс он почти угрожающе.

– Мне зябко, – Надин поёжилась, в подтверждение своих слов, – что ты собираешься делать?

– Мы, дорогая моя, мы собираемся делать... выпей вина и согрейся! – Савва достал откуда-то из-под полы своего чёрного плаща бутылочку и дал Надин.

Надин послушно выпила. Вино имело странный терпкий привкус. Надин поперхнулась и прикрыла рот рукой. У неё закружилась голова. Словно сквозь вату она услышала голос Саввы:

– Раздевайся, дорогая Надин... я хочу тебя... ты будешь моей прямо здесь...

Надин стала послушно расстёгивать платье. Она совершенно не собиралась этого делать, потому что в церкви было очень холодно, а самое главное, она совершенно не хотела осквернять храм, хотя бы и такой, но руки сами начали лихорадочно дёргать пуговицы, почти вырывая их с корнем. Надин не чувствовала своего тела, оказалось, что оно живёт отдельной от неё жизнью. Слово «грех» звенело в ушах Надин, как набат.

Она стояла перед Саввой совершенно обнажённой, даже не пытаясь прикрыться. Несмотря на холод снаружи, она испытывала нестерпимый жар изнутри, её снедало желание... она готова была броситься на Савву и отдаться ему... да что там Савва, она готова была отдаться первому встречному, лишь бы унять пожар, полыхающий у неё в нутре. Надин казалось, что её лоно сейчас вспыхнет, если не вберёт в себя то, что ему положено... если сию же минуту не примет напряжённую мужскую плоть...

Но Савва без особенного интереса окинул взглядом её трепещущее тело и велел ей лечь на ложе. Надин послушно улеглась и раздвинула ноги. Савва провёл рукой по внутренней стороне обнажённого бедра и вдруг засунул пальцы в её промежность. Надин хотела застонать от удовольствия, но не смогла исторгнуть ни звука. Савва вынул пальцы, вытер о полы своего плаща, вытащил книгу и начал бормотать что-то на непонятном Надин языке. Надин попыталась вслушаться в его бессвязную речь, но так и не смогла сосредоточиться, она

страстно желала только одного – совокупления.

Речь Саввы стала быстрой, он начал выкрикивать отдельные слова, взгляд его остекленел... вдруг он выхватил откуда-то длинный узкий кинжал и с остервенением вонзил его в грудь Надин... потом что-то произнёс и снова вонзил кинжал в нежную розовую плоть...

Надин не успела охнуть... последнее, что уловило её угасающее сознание, был торжествующий вопль Саввы и жуткая, нечеловеческая боль в сердце...

Савва прочитал заклинание и опустил взор на распростёртое на чёрном покрывале белое тело Надин. Белое, залитое красной кровью тело... Савву затрясло. Он наклонился и лизнул языком тёплую кровь... потом жадно приник к ране и стал лакать льющуюся кровь, как собака. Напившись, воздел руки к небу и возопил:

- Отец!!! Я сделал всё, что ты велел!!! Ответь мне!!!

Зловещая тишина стояла в воздухе, Савва рухнул на грязный пол без сознания.

И вдруг, лёжа на холодном полу, заляпанном нечистотами, он услышал голос... Голос что-то говорил, но Савва не мог разобрать, что... голос гремел, он был страшен, но Саввой овладело полное безразличие. Вдруг он почувствовал, как его глаза вылезли из орбит и самостоятельно разместились в пространстве. Его глазные яблоки смотрели прямо на своего хозяина, потом развернулись и уплыли в пустоту... странно, но Савва при этом отнюдь не утратил зрение...

Потом Савву начало рвать, его выкручивало наизнанку, тело содрогалось в ужасных конвульсиях, Савва испытывал нестерпимую боль, он закричал, и исторг из себя свою собственную глотку... с губами. Губы усмехнулись и тоже скрылись в черноте, окружавшей Савву...

Потом от туловища отделилась голова, как будто её отрезали очень острой бритвой... но не упала, а поплыла по воздуху, лишённая губ и глаз, с зияющими на их местах чёрными дырами.

Савва испытывал адские мучения, но по каким-то неведомым причинам видел и ощущал всё, что с ним происходит...

Потом из обезглавленного тела кто-то резким рывком вырвал сердце... сердце билось и трепыхалось, с него капала кровь... с груди свешивались куски кожи... и вот сердце тоже исчезло в бездонном чёрном сумраке.

Потом от исковерканного тела с ужасным хрустом отделились руки...

Савва чувствовал теперь только боль, он весь был болью, сплошной кровавой раной, месивом из костей и мяса... он хотел зарыдать, из-за того, что был так жестоко обманут, но у него не было глаз...

Свечка, горевшая у алтаря, упала на пол, задев край покрывала... оно вспыхнуло, огонь пополз вверх, подгоняемый ветром, лизнул руку Надин... скоро всё ложе полыхало, как гигантский костёр.

Но огню было мало. Он подкрался к телу Саввы, распростёртому на полу, и вцепился в край его чёрного плаща. Потом весело запрыгал по полу, пожирая на своём пути старые прогнившие конструкции.

Через несколько минут церковь пылала, хороня под собой тайну происшедшего здесь святотатства.

То, что церковь полыхает, заметили не сразу. Она находилась на отшибе, далеко от деревни, к тому же была ночь. Уже под утро кто-то из крестьян заметил столбик дыма и отправил мальчишку посмотреть, что случилось и не горит ли лес? Мальчишка вскоре прибежал, запыхавшись, и доложил, что сгорела старая церковь. Мужик махнул рукой, мол, туда ей и дорога... да и никто особенно не горевал по этому поводу – среди местного народа давно ходили слухи, что старую церковь давно облюбовала нечисть для своих забав...

Первым исчезновение Саввы и Надин заметил старик Евдокимыч. Когда к полудню барин с барыней не вышли из своих комнат, он забил тревогу. Их поискали, но нигде не нашли. Никто не знал, куда они делись. Дворовая девка Малашка вспомнила, что видела, как стемнело, барин и барыня сели в повозку и уехали, а более она ничего не знала. Евдокимыч умолял её вспомнить ещё хоть что-то, но Малашка упрямо качала головой, и старик отстал. Чего зазря девку

пытать? Неужто ей за повозкой нужно гнаться было?

Вызвали урядника, тот расспросил дворовых, но ничего путного не узнал. Дело открыли, но поиск в окрестностях ничего не дал. Савву и Надин искали несколько месяцев, но безрезультатно. Тогда решено было отдать имение наследникам, если таковые найдутся.

Единственным наследником имения оказалась тёща Саввы, матушка Надин, Дарья Спиридоновна. Она приехала в имение, чтобы доживать тут свои дни, как она выразилась, и скорбеть о пропавших – Савве и Наденьке.

Тут прожила она остаток отмеренных ей лет и тихо скончалась в 1914 году. Похоронили её на местном кладбище. О Савве и Надин никто больше ничего не слышал, а начавшиеся впоследствии события и вовсе стёрли память о них даже у тех, кто их знал.

1988–1999 год, Россия

Молодой человек сидел за кухонным столом в грязной коммуналке и пил кефир. Его равнодушный взгляд блуждал по заляпанным жирными пятнами стенам, по давно невымытым стёклам, в конце концов опустился на пол, по которому полз огромный чёрный таракан. Молодой человек хотел раздавить его, но потом передумал и убрал ногу. Таракан внушал ему чувство уважения, потому что не боялся ползти по враждебной территории среди белого дня.

Молодой человек допил кефир и устался в жёлтый, в разводах, потолок. Жилище было хоть и паршивым, но своим. Он давно хотел остаться один. Эту занюханную коммуналку он получил от государства как выходец из детского дома. Конечно, ему полагалась отдельная квартира, о чём он был прекрасно осведомлён. Просто в данном случае это не принципиально. Молодой человек начал негромко насвистывать.

Его мать была шлюхой. Её изнасиловали, и она родила его. Смешно! Шлюху – и изнасиловали! Вспоминая это, молодой человек всегда смеялся. А может, она и не была шлюхой? Но, во всяком случае, с головой у неё было не в порядке, это

можно сказать совершенно точно. Пару раз она приходила в детский дом, рыдала, обещала забрать его домой, но естественно, не выполнила обещания. Но он не расстроился, он никогда не считал её настоящей матерью. А потом ему сказали, что она умерла, кажется, её убили. Он даже был этому рад, потому что не хотел видеть её опухшего с глубокого похмелья лица и пьяного раскаяния. Он не проронил ни слезинки, узнав это. Она была противна ему, противна до глубины души, поэтому её преждевременная смерть несколько его не расстроила.

А потом он вырос и покинул стены детского дома, тоже впрочем, не особенно жалея об этом. Поселился в коммуналке, поступил на завод, вступил в комсомол. Никто не мог сказать о нём ни единого дурного слова. Никто ничего не знал о нём, кроме сухих сведений официальной биографии. Он не стремился раскрывать душу, хотя на контакт шёл легко.

Но сам он знал о себе всё. Он знал, кто он. Он знал, кто его Отец. Он знал, чего он хочет. Он знал, что он не один, и что он должен найти куски собственной плоти, своих братьев и сестёр. Так велел его Отец, а значит, он найдёт их, чего бы это ему не стоило.

Он помнил, как давно привёл в заброшенную церковь девушку, убил её, а потом напился тёплой крови. И всё потому, что так хотел его Отец. Он обещал ему за это неограниченную власть. А потом он валялся на полу, и от него со страшной болью отделились глаза, глотка, сердце и руки... в нём ещё остался отголосок той нечеловеческой боли, которую довелось пережить тогда... сладкой боли, боли для Отца и во имя Отца... он думал, что Отец оставил его останки гнить на грязном полу... но даже такая жертва не испугала его тогда... он готов был отдать жизнь за Отца...

Но ОН не хотел брать его жизнь. ОН поднял его из небытия, где он, раздавленный и жалкий, пребывал, и поместил в брюхо непотребной шлюхи... но и этому он был рад...

А потом он появился на свет. Вылез из немытого чрева, как червяк из подземелья, и закричал... шлюха исполнила свою роль и больше была не нужна. Он понял это сразу, как освободился из её вонючего нутра. Потом был детский дом. Отец испытывал его на прочность.

А потом Отец велел ему найти куски своей плоти... ибо как можно жить без глаз? Без глотки? Без рук? Без сердца? Отец сказал, что разделил их, потому что в одиночку никто не может пользоваться безграничной властью. Безусловно, он прав. Он понял это только сейчас. Понял великий замысел Отца. Не случайно он выбрал ему в матери грязную шлюху, ибо у него не могло быть матери, только Отец. Молодой человек улыбнулся.

В детдоме ему дали имя Ник, Никита. Он не возражал, пусть будет так, тем более что имя ему нравилось.

Ник окинул взглядом кухню. Мерзкое местечко, но ничего, скоро всё изменится. А пока нужно найти глаза и руки.

Его размышления прервал сосед по коммуналке, слесарь из ЖЭКа дядя Миша. По случаю выходного он был в стельку пьян. Дядя Миша плюхнулся на соседний стул и икнул. Ник брезгливо поморщился, встал и собрался уходить. Дядя Миша его раздражал.

– Ну как дела, сынок? – Дядя Миша изобразил искреннюю заинтересованность.

Ник не удостоил его ответом. Дядя Миша махнул рукой, открыл холодильник, достал бутылку водки, поставил на стол и налил в стакан. Смачно крякнув, выпил. Очевидно, пить одному было скучно, поэтому дядя Миша, обретя после принятой на грудь дозы прыть, подскочил к Нику и схватил за руку:

– Может, составишь компанию, сынок? Выпей рюмочку со старым человеком! Не побрезгуй, соседушка! – От него разило перегаром и гнилым нутром.

Ник медленно развернулся и заглянул ему прямо в глаза. От этого взгляда дядя Миша поёжился, его кураж несколько ослабел, но не пропал. Он смотрел на Ника, наивно хлопая выцветшими глазками. Очевидно, чувство самосохранения его окончательно покинуло.

Ник не сдержался, его обычное хладнокровие отказало ему. Он взял дядю Мишу за горло холодными пальцами и сжал. Глаза у дяди Миши вылезли из орбит. Он хотел что-то сказать, но только хватал ртом воздух, будто рыба, выброшенная на берег. Ник не ослаблял хватку. Медленно, чётко произнося каждое слово, он сказал:

– Если ты ещё раз, дерьмо, заговоришь со мной... если ты откроешь свой поганый рот... я отправлю тебя туда, где тебе самое место... тебе понятно?!

Дядя Миша изобразил кивок. Ник отпустил его. Дядя Миша схватился за горло и захрипел. Ник, больше не обращая на него внимания, удалился к себе в комнату, где у него царил идеальный порядок, несмотря на разруху снаружи. Дядя Миша сел на стул и оторопело уставился на бутылку.

– Ну зачем так, сынок... – прошептал он, потирая горло, – не дурак, понимаю... так бы сразу и сказал, что ни-ни... – дрожащей рукой она налил стакан водки и залпом выпил. Потом, шатаясь, встал и направился в свою комнату, от греха подальше. Початую бутылку и стакан захватил с собой.

Ник ругал себя за несдержанность. Как он мог так поступить? Старый идиот может пожаловаться на него, или просто сболтнуть кому-то и тогда прощай его безупречная репутация. Нет, безусловно, вряд ли кто поверит, что такой положительный молодой человек мог оскорбить старика, но... это вечное «но»... кому-то западёт в душу, кто-то при случае может вспомнить неожиданное проявление жестокости, вспышку ярости...

Думая об этом, Ник пребывал в скверном настроении. Он не может подвести Отца, не может допустить, чтобы их великая цель отодвинулась даже на мгновение по его собственной глупости. А это могло означать только одно: ошибки нужно исправлять. Но исправлять с умом. И снова круг замкнулся: ему нужны руки. Он не может пачкать свои.

Тут Ник усмехнулся. Каламбур. А чьи это руки? Его, разумеется. Только их нужно найти, найти как можно быстрее. Ник задумался. С чего начать поиск? Это сложный вопрос. Как он узнает их? Ник потёр серебряное кольцо у себя на пальце и улыбнулся про себя. Он узнает их. Они должны иметь метку – точно такое же кольцо.

Ему вдруг мучительно захотелось выпить, хотя он почти не пил. Зная наперёд, что ничего не бывает просто так, Ник поспешно оделся и вышел. Из соседней комнаты доносился могучий храп дяди Миши.

Ник дошёл до ближайшего кафе с многозначительным названием «Рандеву», и уселся за дальний столик, чтобы понаблюдать за обстановкой. Посетителей было немного, в зале царил полумрак. Ник заказал рюмку коньяку и нарезку из колбасы. Лениво потягивая коньяк, он осматривал полупустой зал, прикидывая, не зря ли он сюда столь поспешно явился.

В кафе зашёл парень, окинул оценивающим взглядом зал, и направился прямо к Нику. Ник почувствовал вибрацию на кончиках пальцев, и понял, что пришёл сюда не зря. Как вообще можно напрягаться по такому пустяковому поводу? Конечно, Отец придумал, как устроить так, чтобы он как можно быстрее нашёл руки. И именно в тот момент, когда они ему нужны. Он улыбнулся парню. Тот расцвёл ответной улыбкой и спросил разрешения присесть рядом. Ник решил его проверить:

– Садись. А ты всегда садишься к незнакомым людям за столики? Здесь полно свободных мест.

– Нет. Но сегодня чертовски не хочется пить одному... моя подруга ушла к другому... бросила меня, если можно так выразиться. Так разрешишь присесть?

– Я же сказал, что да. Мне тоже сегодня грустно, так что буду даже рад.

Парень сел на соседний стул:

– Что пьёшь?

– Коньяк. – Ник взялся за рюмку, потому что не хотел, чтобы парень заметил дрожь его пальцев.

– Я тоже возьму коньячку. Тебя как зовут? Я Петька, мент. – Парень засмеялся. – А ты кто?

– Я Ник, на заводе работаю, учусь на вечернем.

– Классно! Как тебе на заводе? Я терпеть не могу от звонка до звонка... ну, брат, за знакомство! – Петька опрокинул в рот рюмку и выдохнул воздух.

Когда он взялся за рюмку, Нику бросилась в глаза наколка на указательном пальце. Он взял Петьку за руку, чтобы рассмотреть, что выколото, и испытал лёгкий шок: на указательном пальце Петьки красовалось его кольцо, то самое кольцо, которое подарил Отец, чтобы узнать свою плоть.

- Хорошая работа, - Ник отпустил Петькину руку, - в темноте можно принять за настоящее.

- Нравится? - Петька раздулся от гордости. - В журнале увидел, не смог удержаться. На настоящее бабок не хватает. Не заработал. Ещё по рюмахе накинём?

- Как скажешь. - Ник позвал официанта и заказал ещё коньяку.

Петька напился быстро. Он много говорил, смеялся и жестикулировал. Речь его изобиловала сальными шутками и нецензурными выражениями. Ник молча слушал его, стараясь не перебивать. Его собственные Руки не очень импонировали ему, но это были его Руки, и с этим ничего нельзя поделать.

Увидев, что Петька накачался так, что вряд ли дойдёт до дома, он попросил официанта вызвать такси, и они вдвоём погрузили его туда. Недовольный таксист заворчал, что они испачкают всю машину, но Ник так посмотрел на него, что таксист замолчал и больше не проронил ни слова до самого дома Ника и даже помог затащить тело Петьки в комнату. Ник заплатил сверх счётчика, потому что ценил помощь. Он знал, что любые услуги должны оплачиваться сполна, иначе тебе могут предъявить счёт в самый неподходящий момент. Ник не хотел иметь неоплаченных долгов.

В своей комнате он бережно положил Петьку на кровать, а сам сел в кресло и включил телевизор.

Петька проснулся через пару часов совершенно трезвый и сел на кровати.

- Эй! - Он протёр глаза и обнаружил сидящего в кресле Ника. - Ты кто?

- Твой брат, - спокойно сообщил ему Ник.

– Мой брат?! У меня нет братьев. Сирота. Мать-шалава в детстве бросила, а государство подобрало.

– Меня тоже. У нас один Отец. ОН хотел, чтобы я нашёл тебя, ты мне нужен.

– Один отец? Откуда ты знаешь?

Вместо ответа Ник взял Петьку за руку и показал на кольцо.

– Откуда это у тебя? Вчера ты сказал, что из журнала...

Петька смутился:

– Я наврал. Я не знаю, откуда. Оно было всегда. Я всегда его помню. Не могу вспомнить, кто колол... мамаша до пяти лет меня по притонам таскала, наверно, её дружки подшутили, не знаю... я тот период вообще не помню, уж извини, брат, маленький был. – Петька усмехнулся, но усмешка была горькой. Он помнил, конечно, помнил, хотя и был совсем крохой...

Он помнил, что сидел в углу на куче мусора в вонючей хате, которую квартирой язык назвать не поворачивался, и играл с бутылкой. Его мамаша, вдрызг пьяная, обжималась с очередным хахалем-собутыльником. Петька помнил булькающий смех, пьяные всхлипывания, когда собутыльник лапал её грязными руками... они совершенно не обращали на него внимания, распалённые похотью и водкой. Ему было холодно, сначала он плакал, а потом перестал, потому что его плач ровным счётом никого не беспокоил... ему было очень одиноко, он хотел умереть, он хотел, чтобы было тепло, он не хотел слышать мерзких хлюпающих звуков и стонов... а потом вдруг его окружила Тьма... Тьма была плотной, туда не проникал ни единый луч света. Сначала он испугался, но Тьма была миролюбивой, она успокоила его, что бояться нечего. Стало очень холодно, а потом тепло, и он расслабился... даже наделал в штанишки... но Тьма не стала его ругать, не стала смеяться над ним... она обняла его, и он приник к ней, будто к матери... Тьма поцеловала его, а потом его пронзила ужасная боль... болела рука, а точнее, указательный палец... он заплакал, забился в истерике, но Тьма была беспощадна... а потом боль прошла, и он уснул... а когда проснулся, Тьма отступила, а на пальце красовалось это кольцо...

Мать и её хахаля нашли бездыханными – отравились водкой или наркотиками, а он очутился в детском доме.

После этого случая Тьма являлась ему несколько раз. Она всегда была дружелюбно настроена, что-то ласково шептала на ухо... что-то очень важное, но он всегда забывал, что именно... всегда хотел вспомнить, но никогда не мог. И вот сейчас его осенило: Тьма хотела сообщить ему, что он должен встретить Ника... Да, да, именно Ника, сейчас он отчётливо вспомнил. Вспомнил, и вздохнул с облегчением. Наконец-то! Теперь Тьма может быть спокойна: он выполнил её волю. Только нужно проверить, не ошибся ли он. Но Ник словно прочитал его мысли.

– Смотри! – Ник протянул Петьке руку и показал своё кольцо.

– Ух, ты! У тебя настоящее? Красотень! – Петька погладил кольцо.

– Настоящее. Его дал мне Отец. Чтобы я нашёл всех вас.

– Так мы не одни? Слушай, сушняк замучил... дай хлебнуть, а то погибну, и вообще расскажи поподробней, и если всё правда, мы это дело запьём, то есть отметим.

Ник вышел в кухню, достал из холодильника бутылку, поставленную дядей Мишей, и налил немного в стакан, а потом вернулся в комнату и отдал стакан Петьке. Тот залпом выпил. Посидел немного, потом вопросительно уставился на Ника.

– Это всё? Не маловато будет?

– Нет, – отрезал Ник так, что Петька замолчал и съёжился на кровати:

– Тогда валяй, рассказывай, брат!

– Я не хочу упоминать всуе имя Отца нашего, ты скоро и сам догадаешься, кто ОН. Он поручил нам великую миссию – мы будем управлять миром. Мы будем всемогущи и велики. Ты – мои Руки. Ты выполнишь то, что я тебе скажу.

Петька слушал. Человек, сидящий перед ним, говорил невозможные, абсурдные вещи. Он был сумасшедшим, совершенно безумным, но Петька почему-то ему верил. Более того, он ЗНАЛ, что Ник говорит правду... он сам чувствовал, что есть ещё кто-то, кому он должен беспрекословно подчиняться. Он тоже искал... но Ник оказался проворнее. Что и говорить, голова! Петька его сразу зауважал. Ник – его старший брат, его плоть. Петька заплакал и потянулся к Нику. Ник обнял его и погладил по голове:

– Я рад, что нашёл тебя. Ты мне нужен. Потом мы найдём остальных.

Петька утёр слёзы:

– Что ты хочешь, чтобы я сделал? Мне уйти из милиции?

Ник задумался:

– Нет. Ты будешь там, пока я не велю тебе делать другое. А сейчас мне нужно избавиться от мешка дерьма, что лежит в соседней комнате. От него всё равно никакой пользы, так что мир немного потеряет. Но сделать нужно так, чтобы комар носа не подточил. Ни у кого и мысли не должно возникнуть, что я имею к этому какое-то отношение.

– Я всё устрою, тебе не о чем беспокоиться, – затараторил Петька, – иди к приятелю и приходи вечером. Я оставлю дверь открытой. Запиши мой адрес, это тут, недалеко. Приходи ко мне завтра, я буду тебя ждать.

– Хорошо. – Ник оделся и вышел, нарочито хлопнув дверью.

Он решил пойти к одному приятелю, который устраивал вечеринки почти каждый вечер. Он был удобен тем, что к нему можно прийти в любое время после работы, он всегда дома, и у него всегда можно найти тёплую компанию. Обстановка была милой, непринуждённой, там всегда рады гостям, и Ник был абсолютно уверен, что придётся ко двору. Он пару раз посещал этого приятеля, но близких отношений у них не имелось. Теперь Ник решил, что пришла пора исправить это упущение.

Он надавил кнопку звонка. Дверь тотчас распахнулась, как будто хозяин стоял прямо за ней. Он был немного навеселе и, увидев Ника, удивлённо поднял брови:

– Какие люди! Старик! Сколько лет, сколько зим! Проходи, не стой, как мумия! – Он схватил Ника за рукав куртки и втянул в комнату. – Что тебя принесло?! Какие ветры за-ду-у-ли! – Приятель запел и засмеялся.

– Вселенская тоска. Надоели одинокие вечера. Соскучился по тёплой компании.

– И правильно сделал! Штурм наук, это конечно, хорошо, но и расслабиться иногда не помешает. Верно? – Приятель заговорщически подмигнул Нику.

Ник снял куртку и хотел пройти в комнату, откуда слышался женский смех, но приятель, а его звали Олег, задержал Ника:

– Постой! Там у меня две цыпочки, Машенька и Ирочка... Машенька моя, я её уже неделю окучиваю, а Ирочку бери себе, если понравится. А нет, так просто отвлеки. Слушай, чертовски здорово, что ты зашёл, а то я уже не знал, кому и позвонить. Договорились?

– Замётано! – Ник пожал протянутую руку, и молодые люди вошли в комнату.

Ни Машенька, ни Ирочка, Ника не интересовали. Он равнодушно скользнул взглядом по их хорошеньким личикам, которые с любопытством уставились на него, и не нашёл в них ничего особенного. Ему вдруг пришло в голову, что его Сердце может быть девушкой... девушкой, которую он должен будет разыскать. Но сейчас думать об этом не хотелось: Сердце он будет искать в последнюю очередь. Ник улыбнулся девушкам, продолжая стоять и ждать, когда Олег их познакомит. Олег обнял Ника за плечи и торжественно произнёс:

– Милые дамы! Рад представить вам надежду советской науки, общественного деятеля, просто хорошего человека и отличного парня – Ника!

Пухлая блондинка жеманно потупила глазки и произнесла:

– Мария!

Вторая девушка, стройная серьёзная шатенка, сухо кивнула:

– Ирина.

Олег подтолкнул Ника к столу.

– Что ты как чужой? Садись под бочок нашей прелестной Ирочке! Наливай девочкам вина! Давай выпьем за знакомство!

– Пойдите! – Ник внезапно спохватился. – Я кое-что вам принёс! – Он достал из целлофанового пакета бутылку шампанского и плитку горького шоколада и поставил на стол.

Олег сделал круглые глаза:

– Ого! И откуда у нас такое богатство? Да ещё в столь неурочное время? Да ты, брат, волшебник!

Ник скромно потупил глаза:

– Не парься. Дома было на всякий пожарный. Решил к тебе прихватить.

– Молоток! Нам как раз шампусика и не хватало. Правда, девочки?

Машенька хихикнула:

– Обожаю шампанское. Только у меня от него голова кружится... ну просто совсем ничего не соображаю...

– Вот и отлично, что не соображаешь! – Олег шутливо притянул Машеньку к себе. – Ник, налей ей двойную порцию!

Ник разлил шампанское по бокалам и пригубил свой. Он подумал, что может Петька делать у него в квартире с пьяным дядей Мишей? Впрочем, ему всё равно. Петька должен решить эту проблему. Он его руки, и точка. Он, Ник, решает, ЧТО делать, а Петька решает КАК делать. Не дело Ника забивать голову

такими пустяками. Ник допил шампанское и налил себе водки – вечер предстоял долгий.

После бутылки шампанского неловкость от неожиданного прихода Ника развеялась, и через полчаса за столом велась оживлённая беседа. Олег шептал что-то на ухо Маше, та весело смеялась, поправляя юбку на круглых коленях. Олег же всё время пытался будто невзначай положить ей руку на ногу. Ник видел, что Машу это смущало, но уговор был дороже денег, и Ник старался отвлечь Ирочку, чтобы не мешать другу. Он хотел увлечь Ирочку в соседнюю комнату, чтобы оставить Олега и Машу наедине, но она недвусмысленно дала ему понять, что не оставит подругу. Ник пожал плечами: вольному воля.

Неожиданно для всех, Олег, смеясь, буквально вырвал Машу из-за стола и потащил едва стоящую на ногах девушку в коридор. Она не сопротивлялась. Ирина хотела посадить Машу обратно, но Ник помешал ей:

– Оставь, у них роман.

– Роман? Вот это новость! Мне Машка ничего не говорила.

– Просто она очень скрытная. А мне Олег все уши прожужжал. Любовь...

– Шутишь... я бы знала.

– А зачем тебе знать? Меньше знаешь, лучше спишь... – Ник вдруг ни с того, ни с сего ощутил запах женщины... самки... ему страшно захотелось эту самку... он грубо схватил Ирину и притянул к себе. Жадно поцеловал в губы. Ирина начала отбиваться, но потом затихла и ответила на поцелуй. Ник молча, без всяких предисловий, залез ей рукой под юбку и стянул трусики. Девушка была влажной... кровь ударила Нику в голову. Он расстегнул ширинку на брюках и мощным рывком вошёл в её влагалище. Ирочка ойкнула, но закатила глаза и подалась навстречу Нику.

Он быстро закончил своё дело и торопливо застегнул ширинку. Ира оправила юбку и натянула её на колени. Они сидели рядом и ели колбасу, запивая водкой, так, будто ничего не произошло. Ник подумал, что Ира не такая простая, как кажется. Он решил потом поподробнее расспросить про неё у Олега. Она явно не новичок... с такой страстью набросилась на него... милая девчушка.

Интересно, что она думает о нём? В любом случае, у него есть стопроцентный свидетель того, как он провёл вечер. Ник зевнул и покровительственно похлопал Ирину по колену:

- Тебя родители не потеряют? Поздно уже... или вернее, рано...

- Они на даче остались ночевать.

- Значит, ты нехорошая девочка? Не слушаешься маму с папой?

- Им всё равно. Тем более, я совершеннолетняя, могу делать, что захочу.

- Какая смелая!

- Да, я такая! - Ирина дерзко посмотрела на Ника, Ник усмехнулся:

- Ну, как знаешь... телефончик не напишешь?

- А ты будешь звонить?

- Не знаю, - честно признался Ник, - может, и буду...

- У Олега есть, спросишь, если интересно.

- Хорошо, спрошу. Ну, мне пора. Засиделся я что-то...

- Мама заругает? - Ирина усмехнулась.

- Я из детдома.

- Извини... где там Машка? Дрыхнет, что ли, влюблённое создание? Вот ей мамаша устроит! В жизни не слышала, чтобы так орали! Её мать сумасшедшая, истеричка. Орёт, а потом глотает валерьянку. Дура.

Ирина встала и пошла искать подругу, а Ник удалился, не прощаясь. Он был доволен: его алиби неопровержимо.

Дверь в свою квартиру он открыл сам. Стояла абсолютная тишина, и Ник понял, что Петька сделал своё дело.

Он прошёл на кухню и застал Петьку сидящим за столом. На звук шагов Петька обернулся, и рот его расплылся в широкой улыбке:

– Братуха! Я всё сделал, как ты просил. Я молодец? – Петька был немного пьян, но Ник сделал вид, что ничего не заметил.

– Молодец. – Ник сел напротив. – Рассказывай.

Петька понизил голос, как будто их кто-то подслушивал.

– Он там, – Петька ткнул пальцем куда-то в сторону двери, очевидно имея в виду комнату дяди Миши, – готов...

– Хорошо. Как ты этого добился?

– Неважно. Превысил дозу алкоголя, сердце не выдержало.

– Именно это я и хотел от тебя услышать. Давай помянем. Налей по маленькой.

Петька с готовностью вскочил, открыл холодильник и достал початую бутылку водки. Поставил на стол стаканы и налил себе и Нику. Они молча выпили.

– Бутылку заберёшь с собой. – Ник закусил водку огурцом, сиротливо лежащим на тарелке. – Надеюсь, его бутылка, – он кивнул в сторону, – имеет только его следы?

– Обижаешь! – Петька налил себе ещё и торопливо выпил. – Забыл, где я работаю? Меня таким вещам учить не нужно.

– Отлично. Иди домой, а я вызову скорую.

– Нет. – Петька покачал головой. – Иди на работу, пусть потерпит до вечера. Так безопаснее. Ты что, каждое утро заглядываешь к нему в комнату?

Ник кивнул, подумав, что его Руки тоже кое-что соображают. Петька взял со стола бутылку и спрятал во внутренний карман куртки.

Ник услышал, как хлопнула входная дверь. Он прошёл к себе, разделся и лёг. Ему оставалось спать около часа.

Петька добрался до своей полуразвалившейся халупы на окраине города через час после того, как покинул Ника. У него был выходной, поэтому он принял душ, допил остатки водки и с наслаждением растянулся на старом диване, забросив руки за голову. Сон пока не шёл. Петька вспоминал дядю Мишу. Он не доставил ему особенных хлопот. И вообще не доставил никаких хлопот, если разобраться.

Петька сидел на кухне, когда дядя Миша вышел из своей конуры и увидел его. Он немного удивился, обнаружив в квартире незнакомого человека, но Петька поспешил успокоить его, что он друг Ника. Ник велел подождать его здесь, у него какие-то срочные дела. А пока он не против составить дяде Мише компанию. Дядя Миша даже обрадовался нежданному собутыльнику, он радостно потёр руки и жадно уставился на бутылку, которую Петька предусмотрительно поставил на стол. Петька налил им по полстакана и велел дяде Мише проверить дверь – заперта или нет? Чтобы чужие не вошли, объяснил он дяде Мише. Дядя Миша с готовностью бросился выполнять просьбу, предвкушая попойку и застольное общение. Пока он ходил, Петька успел налить ему в стакан лекарство, которое купил в аптеке, пока дядя Миша спал... очень простое, распространённое лекарство, если разобраться... вот только самым фатальным образом вступает в контакт с алкоголем, увы...

Это было началом конца. Дядя Миша быстро потерял сознание. Петька спокойно наблюдал, как он бился в судорогах, хватая ртом воздух. Пальцы конвульсивно то сжимались, то разжимались. Петька с некоторым интересом наблюдал за предсмертной агонией человека, которого сам же и отправил на смерть.

Когда дядя Миша затих, Петька поднял с пола бездыханное тело, перенёс на кровать в комнату, затем вышел, плотно прикрыл за собой дверь, вернулся в кухню и сел ждать Ника.

Ему удалось немного задремать прямо на стуле. И в этот момент его окружила Тьма... она явно была довольна тем, что Петька сделал... Тьма дружелюбно что-то шептала на ухо, одобрительно обнимала за плечи, она обволокла его всего, с

головы до ног... но это была та Тьма, которая приходила к нему до этого... на этот раз Петька остро почувствовал, что Тьма проникла к нему в самое сердце... вползла, как змея, и осталась там, не вся, совсем немного, но Петька ясно ощутил холод, который проник в каждую пору его кожи... но он не испугался, он знал, что так нужно... он создан для этого, он – порождение Тьмы, он её отпрыск, её щупальце, он живёт благодаря Тьме... он должен выполнять приказы Ника, он не виноват, что дядя Миша встал у них на пути... он не испытывал неприязни лично к дяде Мише, как, впрочем, и Тьма... очевидно это судьба. Да и кому он здесь нужен? Никчёмный, лишний человек... некому даже плакать о нём. Ни семьи, ни детей, ни родственников... он сам виноват, что жил такой жизнью... он должен быть счастлив, что Тьма выбрала его, спившегося алкаша, теперь Тьма заберёт его душу себе, и он будет частью Тьмы.

Петька улыбнулся сам себе. Он – орудие Тьмы. Это звучало обнадеживающе. Петька сладко потянулся, повернулся на бок, и уснул, убаюканный чувством выполненного долга.

Ник проснулся, сделал зарядку, умылся и отправился на работу. Труп в соседней комнате его нисколько не смущал.

Первый, кого он встретил на работе, был Олег. Олег вяло пожал ему руку, сделав кислое лицо – он явно болел после вчерашнего. Ник поинтересовался, как Машенька. Олег досадливо махнул рукой, мол, и не спрашивай. Ник удивлённо приподнял бровь. Олег тяжело вздохнул:

– Облажался я, как последний идиот... стыдно вспомнить... три часа мучился, пытался... никак... пить меньше надо... знал же, что так будет, и всё равно нажрался!

– Да не переживай ты так, в следующий раз получится. – Ник сочувственно посмотрел на друга. – Твоя подружка и сама едва на ногах держалась, не помнит, наверное, ничего.

– Только и надежда на это. Ладно, позвоню ей вечером, приглашу завтра в кино. Зацепила она меня, сам не пойму, чем. А у тебя с Ирккой что? – спохватился вдруг Олег. – Так и просидели весь вечер?

– Да, проболтали... – решил соврать Ник. Он подумал, что Олегу незачем знать все его тайны.

– Как она тебе? – Олег поморщился. – Голова раскалывается.

– Кто, Ира или Маша?

– Ну, Маша... понравилась?

– Милая девочка. Но не в моем вкусе. Лишь бы тебе нравилась. – Ник ободряюще похлопал Олега по плечу. – Не переживай, со всеми бывает. Конфетки, шоколадки, цветочки... она всё простит, можешь не сомневаться.

– Твоими бы устами... – Олег испустил тяжкий вздох.

– Да всё нормально будет. Ладно, я побежал, работа не ждёт.

Ник оставил Олега грустить в одиночестве и пошёл в комитет комсомола, где состоял в активе. Он занимался общественной деятельностью, и метил на место секретаря заводской ячейки. Отец сказал ему, что так нужно. Он не спорил, хотя и не понимал, зачем. Хотя здесь была власть... пока небольшая, мизерная, но всё же власть... и эта власть ему нравилась. Не нужно торопиться, всё придёт в своё время. Отец не оставит его. А пока нужно закончить начатое, то есть довести дело с дядей Мишей до логического конца. Ник решил устроить ему приличные похороны за свой счёт и выбить деньги от завода. Это благоприятно скажется на его имидже, подумал Ник, втайне радуясь своей собственной сообразительности.

Вечером, вернувшись домой, Ник первым делом заглянул в комнату дяди Миши. Он сразу понял, что Петька не обманул, и дядя Миша стопроцентный покойник. Мертвее не бывает. Он лежал на грязной кровати, вытянувшись, с закрытыми глазами. Вид мёртвого тела неприятно поразил Ника. Он захлопнул дверь, вышел на улицу и позвонил в скорую. Когда санитары погрузили тело на носилки и унесли, он взял такси и поехал к Петьке.

Петька валялся на кровати, когда пришёл Ник. Он бросился накрывать стол, но Ник жестом остановил его:

– Не трудись, брат. Я по делу. Нашего друга увезли в морг, я полагаю, имей в виду, всё должно быть на должном уровне. Чтобы комар носа не подточил.

– Мог бы не говорить, – буркнул Петька, – сам понимаю.

– А раз понимаешь, так поднимайся – и в морг. Ты власть или не власть?!

Петька неохотно поднялся и начал одеваться. Ник молча наблюдал за ним.

На улице они разошлись в разные стороны, едва кивнув друг другу на прощание.

Петька отправился напрямик в морг. Он досадовал на себя, что не подумал о вскрытии. Дядя Миша был не столь древним, чтобы эта процедура его миновала.

В морге никого не было, и Петька прошёл к патологоанатому. Им оказался дюжий рыжий мужик с красным лицом – явный любитель спиртного. Но здесь Петька его хорошо понимал: при такой работе и не пить – можно чокнуться. Докторишка удивлённо уставился на Петьку:

– Что вам угодно, молодой человек? Ищете пропавшего родственника?

Петька ткнул ему в нос своё удостоверение. Докторишка скользнул глазами по фото и отвернулся:

– Чем обязан?

– Трупы сегодня не привозили?

– Один привезли. Ничего интересного. Алкаш какой-то. Не рассчитал дозу, мне думается. Или сердечко не выдержало. У алкашей сердечки слабые.

Петька в упор посмотрел на мужика и поманил его пальцем, чтобы тот наклонился к нему.

– У него было очень слабое сердце... я его знаю... он просто не просыхал, – Петька полез в карман и достал купюру. – Он в коммуналке живёт, с моей...

девушкой... не хочется комнату потерять... мы собираемся пожениться, а лишние проволочки... ну, сам понимаешь, вдруг въедет кто-то или родня обнаружится. Короче, хотелось бы избавиться от проблем. Поможешь?

– Да не вопрос. – Анатом схватил купюру и засунул в карман. – Мне эта алкашня до фонаря. Тем более что по всем признакам он от сердца и помер.

– От сердца, я тебе точно говорю, – Петька кивнул, – садись, пиши заключение.

Рыжий крякнул, достал бланк и написал заключение, поставив в конце размашистую подпись. Петька прочитал и остался доволен.

Через неделю тело анатома, подписавшего заключение о смерти дяди Миши, нашли на пустыре с проникающим ножевым ранением грудной клетки. Он ходил этой дорогой в свой гараж каждую среду, потому что именно каждую среду у него было свидание с любовницей. Анатом почти никогда не пропускал свиданий...

Петька появился в квартире Ника, когда тот заканчивал ремонт. Петька удивлённо присвистнул:

– Да, ты, брат, развернулся! Красотища!

– Садись, я пока не закончил. Потом переедешь ко мне.

– К тебе?! Вот это новость! Ты хочешь, чтобы я жил с тобой?

– Мы будем жить все вместе. И другие тоже.

– Какие другие? Есть кто-то ещё?

– Я тебе, кажется, говорил, что у нас есть ещё братья... или сестры. Мы найдём их всех... в своё время. Мы – единое целое. Мы не можем существовать по отдельности.

– Как тебе удалось оформить квартиру? Проблем не возникло?

– Нет. Я кое с кем поговорил. Мне не отказали. Передовик, детдомовец, ну, сам понимаешь... скоро стану секретарём комсомольской ячейки.

– Растёшь, братуха! Поздравляю. Рад за тебя.

– За нас. Ты не посторонний.

– За нас... – эхом повторил Петька. – Здорово звучит: за нас. Я люблю тебя, брат! – в голосе Петьки стояли слёзы.

Ник обнял Петьку и усадил за стол. Они выпили по рюмочке дорогого коньяка, который тоже где-то достал Ник. Потом Петька ушёл, оставив Ника одного. Ник хотел поговорить с Отцом, хотел услышать голос Отца. Ему нужны были Глаза, Глотка и Язык.

Язык особенно был ему нужен. Если он станет секретарём этой грёбаной ячейки, хотя что значит «если»?! Конечно, станет. Так вот, если он станет секретарём ячейки, Язык нужен прежде всего. А пока нужно закончить ремонт в их семейном гнездышке.

Ник удовлетворённо улыбнулся: пока всё идёт как по маслу. Квартирка досталась ему сравнительно легко. Пришлось, конечно, ублажить одну дамочку – профсоюзного деятеля, но Ник не жалел об этом. Дамочка оказалась горячей штучкой, хоть и бальзаковского возраста. Ник привёл дамочку к себе. Можно было, конечно, организовать и гостиницу, но не стоило рисоваться для начала.

От Ника дамочка просто выползла удовлетворённой. Он заказал ей такси до самого дома и купил огромный букет цветов. Дамочка скромно опустила глаза, пролепетав что-то вроде: «А что я скажу мужу?», но букет взяла. Ник усмехнулся про себя: надо же, сама невинность! Как будто эта самая невинность не прыгала полчаса назад на нём подобно невыезженной кобыле!

Эта была вся плата, которую пришлось заплатить Нику. Ну, или почти вся. Он встречался с дамочкой ещё несколько раз, пока у её мужа не начали возникать подозрения. Они решили временно прекратить встречи, чтобы страсти улеглись.

Ник даже немного сожалел, потому что дамочка, а её звали Татьяной Петровной, ему нравилась. Он, разумеется, не питал к ней никаких чувств, но она тут ни при чём: он вообще ни к кому не питал никаких чувств... это было его сутью – Пустота, полнейшая чёрная пустота. И об этой пустоте никто их живых не должен был знать. Таково условие Отца, и Ник не смел нарушить договор.

Скоро к нему должен переехать Петька, чтобы быть всегда под рукой. Смешно: его собственная рука должна быть под рукой! Но ничего не поделать, так решил Отец. Он хочет, чтобы они всегда были рядом.

Скоро встречи с Татьяной Петровной, или Таней, как она велела её называть, возобновились. То ли муж успокоился, то ли она перестала придавать значение его подозрениям – Ник не стал выяснять. Ему было достаточно того, что она была ему нужна. Вернее, не она, а её помощь. Поэтому Ник благосклонно принял её заигрывания, и они возобновили походы к нему домой, хотя теперь и значительно реже.

Ник закончил ремонт, и Петька переехал к нему. Он жил теперь в комнате дяди Миши, и представлялся всем товарищем Ника по детскому дому.

В это самое время Варвара, секретарь заводской комсомольской организации, неожиданно объявила всем, что уходит в декрет и собирается сложить с себя полномочия. Это было как нельзя кстати. Не без помощи Тани это место занял Ник. Таня очень старалась угодить Нику, и Ник за это её ценил. Разумеется, у него должно быть своё войско, состоящее из его поклонников... однажды он благословит Таню на служение Отцу, она будет в его пастве. Идеальная исполнительница. Ник вспомнил белое полное Танино тело с большой грудью, которая величаво колыхалась, когда они занимались сексом, и усмехнулся про себя: дамочка в самом соку, даром что не девочка.

А к Новому году Ника ждал ещё один сюрприз: Таня выхлопотала ему по комсомольской линии путёвку в Париж в составе молодёжной делегации. Разумеется, про себя она тоже не забыла. Как ей это удалось, Ник не стал спрашивать, понимая, что скорее всего нелегко. Но Таня очень хотела поехать с ним, чтобы побыть две недели наедине с любимым. Ник не возражал. Таня ему не мешала.

В Париже они вселились в разные номера, но каждый вечер Таня тихонько проскальзывала к Нику и ныряла в постель. Они кувыркались почти до утра, а потом засыпали рядом. В шесть звонил будильник, Таня вставала и убегала к себе, пока все спали, чтобы избежать ненужных пересудов и сплетен. После её ухода Ник недолго валялся в постели и выходил к завтраку. Таня уже сидела за столом. Они здоровались, как будто только что не расстались, и молча ели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/morozova_ol-ga/chernoknizhnik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)